

ГЕННАДИЙ
СКАРЛЫГИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Геннадий
Скарлыгин**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Томск, 2020

ББК 84 (2Р) 6-5
С-42

Скарлыгин Г. К.

С-42 **Стихотворения.** – Томск, 2020 г., 344 с.

В новую книгу известного сибирского поэта Геннадия Скарлыгина вошли избранные стихотворения из предыдущих книг, а также новые произведения.

ISBN - 978-5-85905-561-6

© Г. К. Скарлыгин, 2020

Геннадий Скарлыгин

Ветер скитаний

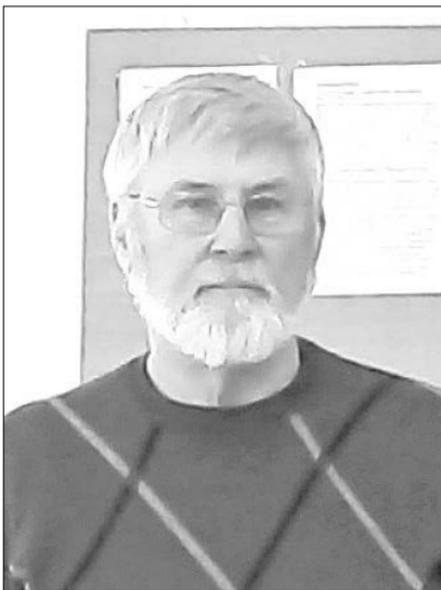
Судный крест

Всё унесёт река

Утренний человек

У заветного камня

Светом родным

Геннадий Скарлыгин – автор десяти поэтических книг, изданных в Томске, Москве и Санкт-Петербурге. Родился в Кемеровской области. Окончил Томский геологоразведочный техникум. Работал начальником сейсмостанции на полуострове Мангышлак, геологом под Читой, в Туве, в Магаданской области в Сеймчанской комплексной экспедиции. В 1981 году окончил отделение журналистики Томского государственного университета. Работал журналистом.

Стихи публикуются в журналах «Наш современник», Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Стихи вошли в Антологию русской и сибирской поэзии. 20 век. Книги – «Ветер скитаний», «Всё унесёт река», «Утренний человек» и другие.

Секретарь правления Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Председатель Томской областной писательской организации.

«НЕБО СО МНОЮ ВСЕГДА...»

«Как мало для радости надо», – начинает одно из своих стихотворений Геннадий Скарлыгин, посвящённое его малой родине. Как и у Н. Рубцова или О. Фокиной, это деревня с её скромным и, кажется, таким знакомым-презренным пейзажем: «Мелькнёт огонёк за окном. / Под вечер ложится прохлада. / Темнеет лесок за оградой / И тянет с реки холодком». Но не торопитесь закруглять чтение: как и у каждого поэта, пишущего не только словом, но и ещё чем-то, что слова эти порождает, главное Г. Скарлыгин приберегает в завершающих строках. И чтобы не спугнуть мелодию, не мазнуть резкой, грубой краской, это главное здесь только выглянет, обозначит небанальность написанного-увиденного, заставив вернуться к этому негромкому пейзажу: «А вот уже стадо у брода, / Пастух тихо щёлкнул кнутом. / Проедет с дровами подвода... / Старушки (опять взяли моду) / Сидят-говорят обо всём». Эти старушки, особенно те, что в скобках, как раз и убеждают в том, что всё это вместе взятое – «радость». Которой много на самом деле не бывает.

Здесь у Г. Скарлыгина «всего лишь» деревня, и географически, и культурологически не разгуляешься. Да этого и не надо. Это просто «краски родины моей», как писала О. Фокина в стихотворении-пейзаже своей северной родины Вологодчины, которое критик И. Шайтанов называет «простотой высокого искусства». Проникновенность здесь важнее наблюдательности, вкупе с «обаянием интонации... негромкой, по-человечески застенчивой, а поэтически – принадлежащей традиции русского классического стиха».

В «мужской» поэзии Г. Скарлыгина, при всём её сходстве с сёстрами и братьями по северным широтам, есть отличия. Сдержанный до суровости, а не застенчивый, не стремящийся обаять или обласкать читателя-эстета («Я же не певец, не музыкант»), а предстающий таким, как есть, без грима и масок, его стих краток и визуально, и содержательно. Ибо радости в жизни поэта было действительно немного, чтобы он писал одни лишь картины тихого вечернего села. Вспыхнут редкой метафорой, неожиданным образом его краткие по горизонтали и вертикали стихи, порадуются на «озёра дивные», «снег красивый», «вкусный картофель», произнесёт здравицу солнцу, небу, речке его лирический герой и вновь возвращается в свой «мир суровой лепки». И вновь и вновь вспоминает он детские сиротские голодные и холодные годы, бабушку, вырастившую и воспитавшую его вопреки обстоятельствам жизни, и иначе тогда смотришь на эти неласковые, незатейливые стихи.

Оттуда родом поэт и его поэзия, там зрел этот стих – подмороженный, едва начав расти, набирать цвет и звук, полный горечи. Как та калина из одноимённого стихотворения, которую поэт «вывез с бабушкиного двора» и чьим несладким «с горчинкой» соком отныне будут «напоены» его стихи. Это родное «захолустье» не отпустит теперь в иные, лучшие края, его притяжения уже не одолеть. Неброское, недостопримечательное оно, это захолустье: там «сена душистый клочок», «там тополь осенний промок» и «речка с извилистым устьем». Как бы ни хотел Г. Скарлыгин расцветить этот невыдающийся пейзаж, определяющий его поэзию, экскурсами к замку крестоносцев и могиле Канта, виолончели Ростроповича, на юг Чехии и в Сербию или в Осетию, к «хозяину виноградников». Нет, говорит поэт, «никуда нам не деться / От родимых начал», куда входит, наряду с «безбрежностью леса» и «безумством равнин» невесёлость и ранимость.

Ранен герой стихов Г. Скарлыгина своей малой родиной, и рана эта больна и сладка одновременно. И поэт принима-

ет эту двойственность как истинно русский широкий человек, которому «много дано» от его земли и её разнообразных богатств. Двойственность предполагает множественность, но только предполагает. Вся любовь, все чувства и мысли всё равно изначально, хочет этого или не хочет поэт, принадлежат его деревенской родине. И в этом его счастье и тоска, когда вид «конторы похоронной рядышком с больницей» вдруг превратят «мысли радужные» в тоскливые, мрачные, нетрезвые. Притяжение родной земли обернётся «грубыми путами», всколыхнёт осевшую было в осадок горечь, охладит душу. А внимательный читатель вспомнит, как часто встречаются в стихах Г. Скарлыгина слова «горький» и «холодный» в разных ипостасях, лексических и семантических, и что, в общем-то, для поэта они синонимичны. Так, в стихотворении «Я замерзал под Магаданом» смертельное дорожное несчастье ассоциируется для лирического героя с не такой уж и давней горькой и холодной бедой России – ГУЛАговскими лагерями: «Пофамильная Россия / Там чуть не в каждой глыбе льда».

Также замерзал и голодал поэт в детские годы – в 50-е, когда его сибирская родина, сделанная Гулаговской, ещё только оттаивала начавшейся «оттепелью». Усугубляла положение семейная драма: «Брат утонул в озере... / Мать нас в посёлке бросила, / Отец ушёл в запой» («Детство»). Детей воспитывала бабушка, чьи «взгляд и руки» поэт запомнил на всю жизнь, сохранил их в себе, сделал святыней, иконой: «Небо, их вознеси. / И под своими сводами / Их освети заботами, / Да сохрани, спаси». Её образ и молитвы, наверное, и спасли мальчика от тюрьмы и сумы, когда он воровал сено с колхозных полей и уголь с вагонов, а охранник, как нарочно, отворачивался. Ей же Г. Скарлыгин посвятил автобиографическую поэму «Просёлки», в которой бабушкины слова: «Образ Божьего мира / Вечно несём в себе», вынесенные в начало произведения, стали напутствием на всю его дальнейшую жизнь. Барханы Мангышлака, ветер Магадана, «горный ручей на Хамсаре» стали вехами не толь-

ко в его работе геолога, но и в осознании себя патриотом малой и большой родины, свято исполняющим её заветы, как свои.

Этот идеал стойкости и упорства в исполнении своей жизненной миссии исповедует и герой поэмы «Парабельский мужичок», посвящённой «погибшим и выжившим спецпереселенцам». «Ловкий, как корчага, / Но и мудр, как сверчок», он обживал край, «ставил избы», постигнув науку «венчания» горя со счастьем. Другой «парабельский мужичок» Борис ещё ближе автору, потому что не только «вальщик леса», но и поэт, возделывавший и славивший землю, на которой «возрос». Иначе этот сибирский край не постичь: любовь к нему требует улыбки сквозь угрюмость и поэзии сквозь прозу. Может быть, поэтому ритмом поэмы правит жизнерадостный трёх-четырёхстопный хорей, вопреки горестным («мать повесилась», первый «мужичок» умер в лодке по пути домой, второй «успокоился в Нельмаче») изломам сюжета. Побеждает в итоге поэзия как воля к жизни. Хотя по всем признакам быть бы столько повидававшему и пережившему Г. Скарлыгину прозаиком, автором рассказов и повестей о сибирской глубинке, её природе и людях. Или геофизиком, окончившим всё же Томский политехнический институт. Но поэзия победила и тут: из «физиков» он стал «лириком», будто подтверждая известный парадокс, что из «технарей» и врачей зачастую выходят первоклассные литераторы. К тому же сибиряки.

Этому всегда удивлялись и будут удивляться несибиряки. Например, Валериан Правдухин, один из организаторов «Сибирских огней», писал в 1922 году в первом же номере журнала: «Суровая страна Сибирь. Не любит искусства... Да это и звучит странно. Сибирь и стихи». Что говорить о современности, когда столичные мэтры подчас вообще отказывают в существовании полноценной литературы в провинции «за редкими исключениями». Некоторые из особо продвинутых считают, что провинциал может писать только «книги, возвеличивающие свою территорию и про-

исхождение, в музыке и поэзии предпочитают гимны, патриотические песни и стихи». Словом, сплошная «оторванность от общенационального и мирового литературного контекста», «творческая ограниченность, слепое тиражирование мод, которые в столицах давно воспринимаются как архаичные» (С. Чупринин. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М., 2007). Есть, разумеется, и противоположные мнения, идущие от писателей-«деревенщиков», давно уже, однако, не «модных», что именно литература, создающаяся в провинции, является единственной, подлинной, современной.

Сибирякам, конечно, от этих споров не легче: что может быть более провинциально-«оторванной» от столиц, как не Сибирь? Но, может, в этом и состоит наше, сибирское преимущество, особая порода сибирской ветви русской литературы? Иная «геофизика», иные критерии и оценки, иное самоощущение, видение. Бывший декабрист Г. Батеньков, вкусивший Петербурга и Петропавловской крепости и упокоившийся в Томске, писал в 1854 году: «Что ж, я ведь с вашего согласия / Седого Севера дитя / И в том богатство вижу я, / В чём вы – тоску однообразья». Этот стих процитировал А. Казаркин, известный сибирский литературовед и критик, в статье, посвящённой литературной истории Томска, имеющего богатую историю и традиции. Особенно в период, когда город был столицей Сибири, в том числе духовной. Помимо крупнейших прозаиков И. Куцевского, Н. Наумова, В. Шишкова, Г. Гребенщикова, А. Новосёлова, здесь начинал печататься и самый известный тогда сибирский поэт Г. Вяткин. И уже тогда, к началу XX века, стало понятно: «Сибиряки всегда считались строгими реалистами» (Ф. Тихменёв), решительно отвергая заумь, символизм, футуризм и проч. Может быть, поэтому поэзия томича Г. Скарлыгина такая «суровая» и «почвенная», что следует традициям и контексту, сложившимся в духовной столице Сибири и сибирской литературе в целом? А. Казаркин, автор предисловия к сборнику «Томские писатели» (2008),

несмотря на приверженность «сибирской идентичности», видит будущее сибирской непровинциальной литературы в «балансе» разных лит. мировоззрений: «Скорее всего, придёт синтетический тип творчества...».

В стихах Г. Скарлыгина видно это желание быть разнообразным, синтетическим. При этом сибирскость из них никуда не уходит. «На всех её страницах ярко выраженный сибирский отпечаток, – как писал об одной из книг поэта Василий Казанцев. – И вот уже чего о ней не скажешь, так это то, что автор плохо знает жизнь. Всё в этой книге о жизни, всё из жизни». Особенно если жизнь эта не ограничивается одной Сибирью. Помимо выходов за сибирский «окоём», в Европу, о которых мы уже говорили, это не столь уж редкие в его стихах примеры оригинальной образности, принадлежащей иным «контекстам». Таково стихотворение «Закрывается клапан сердечный...», где поэтом владеет бытийное чувство связности микро- и макрокосмов – смерть человека, цветение в саду резеды и гибель «шальной звезды»; оживает ковыль, но гибнет полынь, которая «по жалу литовки гладкой перед смертью свистит». Вспомним деревенский пейзаж со старушками и станет понятно, что и он принадлежит этому несмолкаемому бытию, что и тут когда-то, в известные годы «закрывались клапаны сердечные», деревни пустели и вымирали, но потом вновь возрождались. Значит, это закон жизни всеобщей, а не только социальной, политической или «краеведческой». Вот и своё родное Алаево поэт встраивает в мировое, географическое и культурное пространство, сопоставляя деревню со «счастливым Римом» и «дивным небом Италии, самым близким Богу». И всё же «небо ночное в Алаеве – лучшее небо в мире» с «хрустом рафинадным звёзд» и «блеском забытых слёз». Другое стихотворение тоже о небе, хотя называется «Ростропович» – слово, имя (фамилия), как будто бы, не очень органичное для «почвеннической» поэзии. Но он, вернее, оно, его имя важно и нужно поэту, ибо его музыка (а может, и музыка его имени) ведёт в небеса, в ту

синеву, которую он уже воспел в стихе об Алаеве. Так строит поэт «космос» своей поэзии, включая в его орбиту далековатые, порой весьма, вещи, понятия, людей. В его стихах становится заметно просторнее, светлее, происходит смена лейтмотивов: вместо «горького» и «холодного» «небо» чуть ли не в каждом стихотворении.

Закономерно или нет, но замечаешь, что в 5 и 6 частях книги поэт будто бы раскрепощается, веселеет. Звучат песни, озаглавливающие стихи (например, «Песня рыбака») и песенные по своему строю (например, «Давай, поехали, дружок, / На берег милый...»), настроение уже не зависит от времени года, и сугроб сравнивается со слоном, а жёлтые листья с «хвостиком лисьим», зимой «Дед Мороз поигрывает с нами», а Ермак не просто плывёт по сибирской реке на струге, заворожённый «могучими далями» и «суровым размахом», а говорит от первого лица: «Эх, братцы, мы много видали...». Кажется, что и сам поэт заговорил-запел здесь от своего, «первого лица» и милее ему, оказывается, фольклорный, разговорный, едва ли не балагурный говорок: «Эх, летели-полетели соколы...», «Эх, по рыхлой земельке босиком бы пройтись...», «Вот ручеек бежит. Откуда? / Какая разница тебе?», «Отрешённый человек, Анатолий Григорьевич. / На лошадке бек-бек-бек, / Жизнь, она – не сволочь», «Ты, бес, нас сегодня не трогай». Слишком здесь что-то от тех «мужичков», парабельских или шукшинских, которые без юмора, порой грубого, не могут обходиться. Это и традиционно сибирская «чудинка», и неотъемлемая часть философии сибиряка – жителя своего сурового, но изумительно богатого края.

Если не поленишься недра разведать, и обогатишься несказанно. А ведь по первой своей профессии Г. Скарлыгин как раз и есть геолог, точнее, геофизик. Тот физик, который стал лириком, разведавшим глубокие пласты «почвенной» темы малой родины, без которой нет родины большой. Тот патриотизм, который не позволяет поэзии Г. Скарлыгина быть центробежной, оторваться от «почвы» и улететь в не-

беса поэзии абстрактной, умозрительной, чисто словесной или нечисто-постмодернистской, не дай Бог, ёрничающей. Иногда даже чувствуешь, что поэт уж слишком сдержан, чересчур краток, словно боится лишнего, праздного. И при этом грешит невняtnыми, будто насильственными концовками, случается, и косноязычными: «Сколько б не били ливни, / А мы поднимались, вишь»; «И от этих телесных мук / Стану лучше и интересней»; «Жизнь мудра и хороша, / Много можно сделать, много»; «Всё основательно. / И так от роду».

В этих «открытых» концах стихотворений скрыта ещё одна «изюминка» (может, и «чудинка») поэзии Г. Скарлыгина. Не так уж редко в своей книге, в разных её местах он прибегает к четверостишиям, в идеале всегда стремящимся к какой-то многозначительности посредством абриса мысли или образа, как в хокку или рубаи. Что-то вроде намёка или заготовки к стиху. Может быть, так, такими четверостишиями и думает, чувствует, творит Г. Скарлыгин вообще, не позволяя себе утомить читателя многословием и в то же время «вылить в бронзу» своё наиболее заветное. А может, здесь сказываются и другие профессии поэта – журналиста-газетчика и предпринимателя, привыкших к рациональности, точности, краткости и быстроте. И, может быть, одна из самых заветных мыслей поэта выражена им в этом четверостишии: «Наше русское небо – / Белёное, как вода. / Где бы я ни был, где бы, / Небо со мной всегда».

Больше, однако, у поэта «простых слов», ценить которые когда-то завещала ему его бабушка. Ибо «они много значат, / Как для тепла дрова». Эта простая теплота, идущая от горячего патриотизма и «небесного» космополитизма, и делает поэзию Геннадия Скарлыгина особенной, интересной, нужной.

Владимир Яранцев

ВЕТЕР
СКИТАНИЙ

* * *

Память земли и неба
С годами в нас всё сильней.
Возьми и не дай мне хлеба.
Возьми и не дай мне неба
Над родиною моей.

Наверное, это возможно.
Но память?! Её не украсть.
Она прорастает рожью
По нашему бездорожью,
И держит нас. Не упасть.

* * *

Лосось помчится к берегам,
Где он родился в мелкой речке.
Стремленье это нужно нам,
Чтоб путь на родину был вечен.

Чтоб не рассыпаться по миру,
Не помереть в чужом раю,
Я всё на свете враз покину,
Лососем море раскрою.

И, раздирая в кровь бока,
Призывную почуя влагу,
Вот здесь, на этих берегах,
С родной землёй в обнимку лягу.

ДЕТСТВО

Брат утонул в озере,
Стоял июльский зной.
Мать нас в посёлке бросила,
Отец ушёл в запой.

Типичная картина
Российской стороны.
Ягода-малина
Подкрасит мои сны.

Но тяжестью на плечи
Мне лягут те года.
И раны не залечит
Святейшая вода.

И в этой круговерти
Слились в один мотив:
Что жалит нас до смерти,
Что счастьем наградит.

* * *

Решетчатое небо сентября,
Размывами блистает побережье.
Я становлюсь и тише, и прилежней.
Но так же всё смотрю я на тебя.

И в чередѣ обыденных забот
Прокрутим эту жизнь наоборот.
Опять зазеленеют наши всходы,
И мы светлеем от любой работы.

А я смотрю всё так же на тебя.
А ведь прошло уже тысячелетье...
И прорастает в наше долготье
Решетчатое небо сентября.

* * *

Калёное, низкое утро
Мелькнёт отраженьем свинца.
И тяжесть нахлынет, как будто
Мы жили здесь тихо и трудно,
Чтоб счастье постичь до конца.

Мы верили в святость работы,
В суровость тепла и добра.
Ложились простые заботы
На мизерные щедроты.
А радость знобила с утра.

И здесь, в убелённом пространстве,
Рождалось сознание того,
Что мудрость – в родном постоянстве,
И в продолжение его.

ВОРЮХИНО

*Так называлось село Варюхино,
бывшее, по свидетельству краеведов,
воровской станицей.*

У Ворюхино ворон носится,
Ветер вьюжится на юру.
А ко мне с того века просится
Вор, гуляка и говорун.

Вот и сели с ним на приступочке,
Что у крайней избы, на виду,
Хлестанули по три мы рюмочки
Первача. И он завернул.

Начал сказывать: «...трали-вали,
Воровская была гроза.
Мы купчишек много имали,
Помолившись на образа.

Где подвода, а где обозик –
Золотишко, меха и хлеб.
Ну, кого-то и стукнешь разик –
Так ведь промысел Божий слеп.

Нынче сильно дивлюсь на вас:
Что ни прыщ, то в князья ведь метит!
Не страна – воровской приказ.
Что же деется в белом свете...».

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Не ван-гоговская картина.
Просто – мы сидим у костра.
И на сердце у нас именины –
Мы картофель едим из ведра.

Запечённый в углях. И в саже.
С коркой вкусной, словно урюк.
Кто нас здесь, пацанов, рассаживал?
Да нужда нас сбивала в круг.

На втором бы нам выжить хлебе,
Если первого не достать.
Кто за нас отслужил молебен ?!
Все мы выросли: плоть и стать.

Возносила судьба и до трюфеля.
Много в жизни я повидал.
Но вкуснее того картофеля
В этой жизни я не едал.

ДОМ

1

Высокий дом деревенский –
Под Кемеровом, в Червяках, –
Сейчас под управой сельской.
А рядом течёт река.

Строил дед его с младшим братом –
Кулаки, как потом узнал.
Как-то днём – с «Отче наш» и матом –
Всех в подводы и на вокзал.

Дом красив был – один в округе.
Статный, крепкий – как Русь сама.
Гнули бесы из мира дуги,
Получилось: тюрьма да сума.

Ну а дом этот выстоял, ладный.
Помнит он работающий люд.
Хлебом-солью народ здесь радовали,
Да и маслом кормили тут.

2

Дома, дома по всей России...
Я вижу, вижу вещей сон –
Что мы душой не износились,
И что идём к ним на поклон.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Когда набегают волны
И бьётся прибой в небосвод,
Лунным мерцаньем полный
На пристань приходит народ.

Белый мелькнёт платочек,
Как улетевший привет.
Тоской и бедой прострочен
Стальной убегающий свет.

* * *

Когда сотрясают грозы
Пространство лесов, полей,
Кукушка роняет слёзы.
Верь в этот сказ, не верь.

Вспыхнут раскосые глазки,
А с ними и лук полевой.
Наверно, на этих сказках
Я вырос такой волевой.

Да и саранка потрафила,
И пучка в лесу помогла.
И земляника поправила,
Встать во весь рост дала.

А на озёрах дивных
Кормил нас седой камыш.
Сколько б не били ливни,
А мы поднимались, вишь.

РАЗГОВОР С БАБУШКОЙ

«Белые не побелят,
Красные не покрасят» –
Руки твои огрубеют,
Стоны душа загасит.

Выйдешь ты в чисто поле –
Месяц глядит ущербный.
Ходит по миру горе –
Жизнь перемелет в щебень.

И потянулись к ночи,
Прут по Руси обозы.
Дай нам покоя, Отче, –
Вижу твои я слёзы...

КАЛИНА

Зимой простояла калина,
Красным огнём горя.
А вечерами длинными
Она согревала меня.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

Калину к себе я вывез
С бабушкиного двора.
Листьев зелёный вырез –
Слова в них шумят, ветра.

Услышу опять, как прежде,
С хитринкой её говорок.
А меж деревьев вешних
Мелькнёт её рюкзачок.

Когда нахлынули беды,
Осталась она одна.
Для фронта и для Победы
Вязала носки она.

И нас, лоботрясов, выходила –
Бог нам её даровал...
Ухнет в калине выхухоль.
Вздвогнув, зажгу дрова.

Сладким, с горчинкой, соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

ДЕД

Сказали – без вести пропал.
Но я не верю, сводки стёрты.
Ко мне приходит Петрован,
Мой дед, в линялой гимнастёрке.
Садится с краю на кровать,
Высокий и сорокалетний.
«Устал я, паря, воевать.
Верни меня, внучок, в деревню.
Ты дай мне в руки мой топор,
Ведь я был плотником от бога.
Да и в деревне до сих пор
Моя нужна людям подмога».

* * *

Закрывается клапан сердечный,
Зацветает в саду резеда.
А далёко – в стремлении млечном –
Погибает шальная звезда.

Всё увязано мёртвой хваткой:
Оживает весной ковыль,
А по жалу литовки гладкой
Перед смертью свистит полынь.

* * *

«Я возвращаю ваш портрет...»
Ложится песня старая на сердце.
Портрет твой есть, тебя вот нет.
И никуда от этого не деться.

* * *

Этот миг, раскатистый и звонкий,
Нам подарен на исходе дня.
Снег красивый над родной сторонкой
Полетит, преследуя меня.

Полетит над домом серебристым,
В белый бархат одевая лес.
На душе пронзительно и чисто.
Словно выстрел. Словно судный крест.

Снег красивый мчится над Россией,
Где талины, у излучин рек.
Сколько же по миру нас носило,
Чтобы взять вот здесь и умереть.

МОГИЛА КАНТА

Здесь замок крестоносцев был когда-то.
Лишь плит окаменевшая кантата
Врывается в высокое молчанье.
А люди, как языческие камни,
Взрослей становятся
на целое столетье...
И тихо опускают руки.

РОДИМЧИК

Бил в детстве меня родимчик –
Думали, что помру.
Но с перекошенным личиком
Вернулся из мрака к утру.

Будто пришёл с прогулки,
Где леденил туман,
Филин где ухал гулко,
Гулко на весь урман...

Нас возвращают к жизни,
Казалось бы, пустяки:
Крикнет кукушка трижды,
Вспенится стрежь реки.

Ветер скользнёт по лужам,
Зазолотится рожь...
Дымок над селом закружит.
Заплачет на крыше дождь.

* * *

Октябрь, как дикое пламя,
Пройдёт по пустынным логом.
Не станет кружиться он с нами,
Лишь притчу прочтёт по слогам.

Запомню: осенним скитаньем
Метаться по свежей стерне,
Мечтой покрывать расстоянья,
И жить всё сильнее и сильнее.

* * *

Мы, конечно, меняемся,
И не в лучшую сторону.
Мы по миру скитаемся,
Свищем чёрному ворону.

А ему что до свиста?
Ведь в согласье с молвой
Любо ворону виться
Над лихой головой.

ЮНЫЙ АСТРОНОМ

Мальчик в «серебристых облаках»
Утонул. Он был захвачен небом.
И суровый Марс его ласкал,
И Звезда – где он ещё и не был.

Ах, как манят дали впереди,
Как горит кометы хвост игривый.
На просторах Млечного пути
Он откроет звёздные заливы.

Он откроет светлую печаль,
«Чёрных дыр» суровые причуды.
У истоков бешеных начал
Он поверит в простенькое чудо.

* * *

Наши жизни сильно измельчали.
Гулко в поле после молотьбы.
Загорится свечка от печали,
Да погаснет от худой молвы.

Измельчало всё, что привечали,
Что на ниве вольной проросло.
Как на площадях мы покричали.
Ну и что? Всё ветром унесло.

МЕМОРИАЛ

Из архива, в пылевом плену,
Нас ударит горе человека.
Легче лёгкого нам осудить страну.
Осудить себя сложнее –
Так от века.

* * *

Утром женщина останется загадкой.
Выйдет, милая, и сядет на крыльцо.
Льётся ветер и играет лёгкой прядкой.
И ласкает светлое лицо.

Нет ещё ни скорби, ни заботы.
Всё это навалится потом.
Пусть она понежится в дремоте,
Женщина в сиянье золотом.

* * *

Зацветала в июне трава –
Зверобой, кровохлёбка и мята.
Эх, была бы родня здорова –
От простуды и чёрного взгляда

Набирал я целебной травы
Да пучками развешивал в сенцах.
На просторах любимой страны
Это дело людское – от сердца.

* * *

Шестые сутки льют дожди,
Как утомила сердце скука!
Ты мне сказала: «Подожди», –
В тоске заламывая руки.
Ты говорила: «Не хочу
Я жить в предчувствии тревожном», –
Что я плохую жизнь влачу,
Что жить вдвоём нам невозможно.
Что догорают имена
В костре осеннего пожара.
Что ты останешься одна,
Что будет лучше так, пожалуй.
Но что нам ветер напевал?
Он уносил стальные тучи.
Я вспоминал пустой вокзал,
Где нас сводил счастливый случай.

* * *

Изумрудная зелень полей.
Одинокая прелесть селений.
На виду у них станешь добрей.
Нет лекарств от душевного тленья

Лучше этих задумчивых далей
На великой равнине моей.
Пока Родину не отдали,
Да не взяли как лёгкий трофей...

* * *

«Форс мороза не боится» –
Помню бабушкин присказ.
В одежонке, как синицы,
Замерзали мы не раз.
Согревали наши души
И горчичка, и чаёк.
Ну а бабушку послушать
Тоже надо, паренёк.
Одеваться по погоде
Иногда мешала лень.
Да и не во что нам вроде
Наряжаться каждый день.
Лучше выбежать по снегу
Босоногим сорванцом.
Здравствуй, солнце!
Здравствуй, небо!
Здравствуй, речка!
Здравствуй, дом!

* * *

Люблю я слушать мелкий дождь.
Лесная вспомнится палатка,
И листьев неуёмна дрожь,
И костерка дымочек сладкий.

И вьётся над тобой мечта.
Она, как истина, прозрачна
И, как отступница, чиста,
И, как чужбина, однозначна.

* * *

На огонь можно смотреть до бесконечности:
Видит сердце, раскрывается душа.
Мы в долгу у предков и у вечности.
Есть о чём подумать не спеша.

* * *

Тонкий запах левкоев,
Лёгкий абрис запястья.
Мы расстанемся вскоре,
Нам хватило короткого счастья.

Будет дымкой вуаль
Развеваться в погоне беспечной.
Где-то звякнет трамвай
И погаснет огнями, заречный.

Мелью порвана гладь –
А когда-то здесь гравий добыли..
И я вспомню опять,
Как мы мало друг друга любили.

* * *

Нет ни времени, ни пространства:
Нас несёт и сметает судьба.
Помолись же за Русь и славянство,
Коль такая пошла «молотьба»!

Помолись за несжатые нивы,
За бескормицу в отчем краю.
Слышь, в лесу топоры наточили.
Это жизнь вырубает твою.

* * *

Осенние мухи летают,
Но чёрным горохом замрут.
Лишь мысли сбиваются в стаи
И дремлют у тихих запруд.
Полуденное свеченье
Иль комариный укус...
Возникнут опять отреченьем,
Забудется старый искус.
Забудется, сбудется рано
Кромешная наша пора.
Но будет смотреть одичало
Пустое ведро со двора.

Я ЗАМЕРЗАЛ ПОД МАГАДАНОМ

Я замерзал под Магаданом.
До дома было далеко.
Была дорога рваной раной.
А умиралось мне легко.
И в те последние минуты
Я ни о чём не вспоминал.
Я замерзал хрустальным утром.
Я замерзал, я замерзал...
Вот-вот в неведомой «могиле»,
В кругу таких же вот «могил»,
Я этот мир совсем покину –
Мне кто-то тихо говорил.
А небо сверху снег крошило,
Текло смиренное тепло.
Но подкатила вдруг машина,
Водитель крикнул... Пронесло.
Куда носила-проносила
Меня нелёгкая тогда?
Но пофамильная Россия
Там чуть не в каждой глыбе льда.
Вот снова бесы на экранах
Зовут Россию к топору.
Я замерзал под Магаданом,
Но не замёрз. Я здесь умру.

* * *

Благословляю образ твой.
И дней твоих святую поступь.
Глаза с песчинкой золотой,
Твоих волос простую россыпь.

Благословляю времена,
Что нас с тобой соединили.
Друзей совместных имена,
И слов твоих холодный иней.

Благословляю прямоту
Твоих ночных переживаний.
И чувств ответных глухоту,
И бесконечность расставаний.

* * *

Давно я не был в Вертикосе,
На величавом берегу.
Там Обь несётся.
Кто-то бросил
Её у неба на виду.

Я был здесь юным и красивым,
А может, и любимым был.
Меня дороги уносили,
Но я тебя не позабыл.

Не позабыл я цокот дробный
Твоих весёлых каблуков.
О Вертикос! О шёпот робкий!
О кедров шум! О шум веков!

ОСЕНЬ

А воздух был настоян кедром,
Хвоёй и расстояньем дальним.
Лежал туман. Но было нипочём
Узнать покосы этим утром ранним.

Парил лесок. А жеребёнку трудно
Скакать по полю в вязкой пелене.
Я слышал чей-то голос поминутно.
Он звал меня откуда-то извне.

Он напоён был близостью реки,
Какой-то древней и забытой мыслью.
Он умолял, чтоб мы уберегли
Щемящие мгновенья этой жизни.

ТАЛОВКА

Бежит, мелькает речка Таловка
Среди лесов, среди лугов.
Как холодна: от снега талого
Иль вечно бьющих родников.

Я постою у этой Таловки,
Целебной черпану водицы.
И загрузу над мыслью малою,
Что здесь не довелось родиться.

ИННА*Великой русской актрисе*

А женщина срывалась на экране,
Душою изнывая и молясь.
Я был, как зверь, её игрой изранен,
Ещё живым немного притворяюсь.

Как глубока, как бесконечна доля,
А жизнь – как изувеченный челнок.
А где-то вдалеке проснулось море...
Мне не найти родной здесь уголок.

Но мне дано в пристанища чужие
Нести лампы одинокий свет.
Как мне собрать огни сторожевые,
И подарить вам голубой букет.

Как оградить мне вас, ребёнок чудный,
От злого мира на пороге дня?
Как вам уплыть от берегов безлюдных,
Как мне в крови волнение унять?

* * *

Я оживал под песни Виноградова,
Я оживал под духовой оркестр.
Меня ничто уже тогда не радовало,
Лишь только ветер позабытой песни.

Она летела призрачной тревогой
И дымкой замирала. И манил
Её полет, что нас до слёз так трогает,
Когда встаём мы у родных могил.

Когда мы, изнывая предсказаньем,
Смешаем с кровью искренний порыв.
К нам вдруг придут забытые сказанья,
И горечь, и беду окоротив.

И вдруг заплачет у дороги ива,
И вдруг рассыплет яркий свой наряд.
И не унять осеннего мотива,
И не понять рябины острый взгляд.

ТОСКА

Контора похоронная,
А рядышком – больница.
Да ворота тесовые,
Да блюдечком водица.
Как вспомнится, так вздрогнется –
И понесёт в метель.
Уйду я за околицу,
Потом уткнусь в постель.
И снова вижу рядышком
Больницу... похоронку.
И нет уж мыслей радужных.
Но как уйти в сторонку
От этих дней навязчивых,
От этих грубых пут?..
Ну кто опять навязывает
Мне бесприютный путь?
И хочется заплакать.
Да выпить литр вина.
С болота утка крикает –
Твоя, твоя вина.

* * *

Плыл туман сквозь стога.
И ложилась усталая морось.
Видел я – по осенним логам
Уходила и пряталась молодость...

* * *

Я вижу цветы листопада:
Красивее нет тех цветков.
Но ты почему-то не рада
Метели сухих завитков.

Но ты отчего-то не рада
Тому, как меняется лес,
Тому, как играет прохлада
И нити пускает с небес.

ШУТКА

Бог не дал мне «ни кожи, ни рожи»,
«Матерьял» он не шибко размял.
Восседал он на облаке-ложе,
Зимний лес, да и зимнее поле ваял.

Был он в эти часы благодушен
И вписал меня в этот пейзаж.
Чтоб, как снег, я был тоже воздушен
И, как ветер, входил бы я в раж.

Вот с тех пор и несёт меня воля
И вселенский божественный смысл.
Здравствуй, здравствуй, сиротская доля.
Упокой меня, светлая мысль.

* * *

Такого не припомню октября.
Листва давно не покидает крону.
Давно теплом окутаны поля.
Давно иду тропую незнакомой.

Куда же приведёт, злодейка узкая?
Неважно. Нас врачуют времена.
Пусть я упрусь в кресты-могилы русские,
На них родные наши имена.

И не предать законы русской речи,
И не убить глубокий древний смысл,
Он в говоре твоём уже отмечен,
Он и в просторах этих. Оглянись.

Привет тебе, о Русская земля!
Люблю тебя до крови и до боли!
И кажется, я прожил здесь не зря.
И кажется, уже не надо более.

* * *

На юге Чехии, в Моравии,
И в православной Сербии моей
Играет ветер на славянском знамени,
Рожок играет и поёт свирель.

На выселках, на сенокосном поле
Сожмётся сердце, разожмёт печаль.
И выпорхнет и назовётся – «Поля»,
И станет песней, где рожок звучал.

И будет литься, как приток Дуная,
Там, на пространстве в Приштине моей.
Или уйдёт в туман совсем нагая.
Чтоб сделать эту жизнь ещё светлей.

* * *

Уже качались провода
На нитях, брошенных апрелем.
Уже готовилась вода
Излиться. Но ещё не смея.

Я унесусь с этой водой,
Возникнув потемневшей льдиной.
И будет призрак золотой
Лететь над полем лебединым.

И будут в поле толковать
Весной израненные камни.
А вдалеке чужая мать
Заплачет предрассветной ранью.

А листовница и лилейник
Помчатся вверх. Вперегонки.
А нас всех выстроят в линейку
Пожаром вспыхнувшим жарки.

А где-то вдруг всплакнёт валторна,
Как бесприютное дитя.
Ломался лёд. Бежала в сторону
Вода, талину теребя.

* * *

Н. И.

Побереги осенние раздумья,
Мой «кореш» – одинокий альбатрос.
Летит планета к своему безумию –
И бьётся сердце в клетке на износ.

Не обожжёт берёзы жёлтой кротость,
Ведь каждый ствол той кровью напоён.
Как ни была б печальна эта повесть,
Но счастлив я в безумии времён.

* * *

Сорочьи гнёзда. Мокрый снег
Свисает белым покрывалом.
Остановись. Умерь свой бег.
Начни довольствоваться малым.

Будь проще в споре и в любви,
Да и в свидании беспечном
С природой, в сумраке, с людьми.
Задумайся о грешном, вечном.

Да пожалей чужую тень,
Разломы судеб, гнев тропинок.
Порадуйся: ведь каждый день
Из двух нам соткан половинок.

* * *

В часы душевного покоя
Я представляю сосен шум.
И ливень серого покроя.
И холодок от тяжких дум.

И ветерок в осеннем поле,
И зов простуженных дорог.
Где есть для нас родной до боли,
Родной до боли уголок.

СУДНЫЙ КРЕСТ

СОН

Я давно так не спал –
Сном мертвецким.
У шатра я упал
Под мечом половецким.

Как же мне убежать?!
Я распластан. О, братья!
И лежит моя рать.
И не встать ей.

Не свистеть, не гулять,
Не сидеть мне с друзьями.
Вот коня бы обнять
И умчаться полями.

Да и там умереть,
У родного порога.
Русь под гнётом, и ей
Нет прощенья у Бога.

ПЕСНЯ

Аккордеона всплески золотые
Летят над обездоленной землёй.
Я помню, помню, в годы молодые
Как плакал, долго слушая её,

Ту песню. В ней страданья беззастенчивы,
В ней горе билось вольною рекой.
И тёмная тоска над лёгким вечером
Овладевала детскою душой.

Над чем я плакал на виду у неба?
Быть может, над избушкой земляной,
Что сахар кончился, на завтра нет и хлеба,
Что все мы здесь придавлены нуждой.

Что надо воровать с полей солому,
Дрова и уголь в дикую метель.
Что предала нас мать, отец ушёл из дома,
А бабушке одной не выкормить детей.

* * *

Долог путь мой по той стороне,
Где живёт неизбывная радость,
Где свистит свиристель обо мне,
Будит дом, покосившийся малость.

Долог путь до тесовых ворот,
До озёрной вечерней осоки.
Мы учились здесь связывать плот,
Брали первые в жизни уроки.

* * *

Разбежаться бы да прижаться –
Холодок на щеке стекольный.
Унестись босиком, оборванцем –
По стеклу, где ногам не больно.

Больно сердце кольнуло стекло:
Не осыпалось ещё в детстве.
По судьбе ли стекало тепло,
Чтоб могли мы немного погреться.

* * *

Бежали весёлые дроги
Туда, где желтеют поля.
Сердца наши, нет, не продрогли,
Их греет родная земля.

Их греет полёт лебединый
Над дымкой и над жнивьем.
И день разгорается длинный,
А значит – ещё поживём.

* * *

А дворник «снеги» нарезал,
Кроил ломтями с крыш сверкающих.
Слепили срезы нам глаза,
Слеза стекала снегом тающим.

От пут вздохнула вдруг природа,
И задышала, и пошла
Вселенской утренней подводой
И по ухабам, и дрожа.

Заговорила на наречии,
Понятном каждому до слёз.
Ах, это время нас излечивает,
Уходит злой зимы наркоз.

Становимся чуть-чуть добрее,
Чуть-чуть степеннее идём.
Мы вдруг как будто разглядели
Себя сквозь тёмный окоём.

* * *

Играл духовой оркестр,
Мёл ветер вокруг листки.
А мир затихал окрестный –
Ему становились близки

Далёкие сопки Манжурии,
Прощальная песня славянки,
И дождик, и снег над Даурией,
И дерзкие взгляды смуглянки.

Играл духовой оркестр:
Дымок над картофельным полем
Оттуда летел – из детства,
Стелился забытой болью.

Как тонок мотив изначальный.
Как искренни и легки
Мечты, их полёт печальный,
Пронзительный и обручальный,
Как скрытые наши грехи.

* * *

Наверно, грачи прилетели
Чернеющею гурьбой.
И, как позабытые дети,
Будут ходить за тобой.

Наверно, пустыми дворами
Пройдёт веселуха-весна.
А мы перебродим словами,
И отойдём ото сна.

* * *

Люблю я первые проталины –
Они, как радость мне взаимы.
Они, как рыжие подпалины
На белом теле у зимы.

Ещё всевластием природы
Не остановлен зимний бег,
Но вот уже глоток свободы
Гуляет у излучин рек.

* * *

Как пронзительно грустно
В Гефсиманском саду.
Ветка вырвется, хрустнет
В иудейском бреду.

И застонет олива,
И запляшет восток:
Очищающий ливень
Метит прямо в висок.

* * *

Вода возвращает память...
В Алаево, на ключах,
Лягу усталый на камень –
Пусть струйки воды журчат.

* * *

Скрипят журавли колодезные,
Кричат вдалеке петухи.
Как чутко дыхание Родины
Вот здесь, у холодной реки.

* * *

Здесь, у себя в Алаево
Я будто в другой стране.
Вот снег постепенно стаивает,
На всё есть простой ответ.

Скоро пахать огороды,
Готовить картофель к посадке.
У нашей сибирской природы
Всё правильно, всё в порядке.

* * *

Не заигрывай с жизнью, не стенай и не ной,
Будто пожил на свете ты плохо и хило.
Иногда приходил к тебе Бог на постой,
И тебя возвращал из житейского ила.

* * *

Ляжет камень на сердце,
Полыхнёт вдруг печаль.
Никуда нам не деться
От родимых начал.

От безбрежности леса,
От безумства равнин.
От того, что не весел,
От того, что раним.

ДЯДЯ ВАНЯ

Дядя Ваня умел всё на свете изладить:
И избу сотворить, и подкову поправить.
Был он кряжистый – крепкий дубок.
Его кто-то у нас называл – «Колобок».

Ни война не взяла его, ни лихолетье.
Вот он к горну идёт, и от этого светел.
Он такие завяжет потом кружева,
Чтобы память о нём по деревьям жила.

Вот топор он берёт – и родится кровать,
Чтоб нам, детям, на ней было всласть ночевать.
И косу он починит, и тяпку наладит
И соседу, и нам, да и вдовушке Наде.

Где дадут закурить, где и бражки нальют,
Дяде Ване не нужен семейный уют.
Дядя Ваня был мастер на все времена...
Его жёнку, детей умыкнула война.

* * *

Я ворую солому с колхозных полей.
Мне, мальцу, ещё только двенадцать.
Брал верёвку покрепче, одевался теплей,
Чтобы ночью к соломе добраться.

Нам без топлива зиму никак не прожить,
Воровал я и уголь с вагонов, с откосов.
И тепло от печурки, где уголь горит,
Помогало ответить на много вопросов.

То, что в школе учитель домой задавал,
Я в ворованном свете усваивал строго.
Но не мог всё понять оттого, что был мал,
Почему меня дядька-охранник не трогал.

Как увидит, что я на вагоны полез,
Отвернётся в тулупе с берданкой.
Долго смотрит он в сторону, прямо на лес,
Самокрутку свою прикрывая ушанкой.

И потом мне по жизни на дядек везло,
Да, я рад, что их было по миру не мало.
И они, может быть, всему миру назло
Меня твёрдой рукой прикрывали устало.

* * *

Не нашёл слова я золотые,
Не сберёг серебряный мотив.
Ковыли под ветрами седые
Будут жечь и плакать, и манить.

А колечки в золоте, в оправе
Лягут в снег, монетками звеня.
Облетят – и в горечи, и в славе –
На исходе завтрашнего дня.

Обнесут с деревьев лёгкий иней
В лопнувших стаканах октября.
И калинной горечью отныне
Стынет воля, память серебра.

* * *

«Вот дурочка! – злословили в деревне, –
Босая в зиму, смотрят вверх глаза».
Но иногда с какой-то мукой древней
Бросала взгляд, как в доме – образа.

И словно Богородица, страдая,
Она смотрела ясно в этот мир.
И лишь потом – как листья, облетая, –
Глаза уйдут в невидимый эфир.

И вот опять (оборвана, как ветошь)
Она идёт деревнею моей.
А ты, пацан, куда-то дерзость денешь,
Застынешь, не подходишь больше к ней.

Как будто проверяла нас Святая.
Что здесь мы не издёргались душой.
И как живём, прорехи вновь латая,
И как скорбим о Родине большой.

А где ж ей быть, как не в глубинке, с нами.
Где тяжкий труд за крохи, за гроши.
Где поднесут святыми именами
Кусок последний, чёрствый – от души.

* * *

О. Г.

Наше ночное небо –
Лучшее небо в мире.
Где же я только не был!
Даже в счастливом Риме.

Дивное небо Италии –
Самое близкое к Богу.
Звёздочки-мифы таяли
И освещали дорогу.

Небо ночное в Алаево,
Хруст рафинадных звёзд.
Грецким орехом и стаями,
Блеском забытых слёз.

* * *

Мир дому твоему,
Осенний листопад.
Уже в твоём плену
Который день подряд.

Который день – исход
И листьев, и травы.
И времени приход –
Сквозной лесной молвы.

Сквозная пустота
Пронзила нас насквозь.
Святая простота –
Когда всё в мире врозь.

Отдельны ветвь и лист,
Отдельны мы с тобой.
Лишь только Ференц Лист
С музыкой золотой.

Её родил скрипач
От счастья, от тоски.
Мелодий лёгкий плач,
И дождик бьёт в виски.

* * *

Павел, Леонтий, Макар,
Фёдор, Сергей, Мария.
Милый житейский дар
Предкам судьба дарила.

Вот они вдалеке –
Ясные, как сказание,
Как в коренной строке
Листьев моих мечтание.

И улетает вверх
Птиц голубая стая.
Но серебрится мех
Красного горносталя.

Как в забытьи, во сне
Вьётся тревожный ворон.
И утопает в снег
Русский несчастный воин.

* * *

Зима к нам нынче припозднилась.
Уже к исходу ноября
Берёзам всё позёмка снилась.
А ивам – тёплые моря.

Но, переполненный страстями,
Темнел и плакал небосвод.
Ты в роще с жёлтыми кистями,
Шутя, сказала мне: «Милорд,

Как осень нынче припозднилась,
Как припозднились холода.
Сегодня мне позёмка снилась,
И тополь в полночи страдал.

Он нагадал мне серой скуки,
И сеял праздные листья.
Но нет на свете горше муки,
Когда, как холод, входишь ты».

* * *

Затосковала мать по сыну.
Упали плечи, голос стих.
И вечер, вечер звонко-синий
К стеклу оконному приник.

Затосковала мать по сыну,
Глаза ударились в бега.
И показалась очень длинной
Жизнь у родного очага.

Затосковала мать по сыну.
Её вытягивал, маня,
Там, на колосьях, серый иней,
Что пал на милые поля.

Затосковала мать по сыну.
На догорающий закат
Молилась долго. И просила,
Чтоб встал из мёртвых сын-солдат.

* * *

Может быть, морозцем синеоким,
Или ярким солнцем поутру –
Этот взгляд улыбчивый и строгий
Я в пригоршни с сердцем соберу.

И раздам страдальцам одиноким.
Пусть они спокойствие найдут.
Пусть они не сгинут на дороге,
Пусть им снятся ангелы в саду.

* * *

Копии великих мастеров,
Заводная кукла на диване.
На листок вписал я пару строф
О средневековье очень раннем.

И на бледном мраморном лице
Заиграла жилка голубая.
И я видел: в золотом венце
Ты жила, над вечностью страдая.

Ты жила над книжной маетой,
И рождалась новой королевой.
И была в истории простой
Дорогой, желанной, только первой.

ЖЕНЩИНА

Женщина приходит раз в неделю,
И, роняя крылья, смотрит вниз.
А в глазах – утихшие метели
Застылают белые постели
И играет пьяный гармонист.

Женщина, страдающая прошлым,
Одиноким деревцем живёт.
Иногда же одинокой кошкой,
Когда жить становится так тошно,
По карнизу острому пройдёт.

Женщина былинкой синеокой
Пролетит над папертью земной.
И уронит призрачные строки,
Словно слёзы родины далёкой.
И не надо ей судьбы иной.

ЧЕЛОВЕК

Размывы больных побережий,
Скитанья утихших страстей.
И слёзы волынки всё реже
Простой неизбежностью режут
На белом сиротском листе.

На белом сиротском листе
Несёт нас в метель и стужу.
Я буду с тобой везде,
Встань со мной рядом, друже.

Вот и летит наш век,
Вот и метёт неизбежность,
Будь со мной, человек,
Тем же, каким был прежде.

И в этот заветный час,
Когда засыпают тени,
Я не обижу вас,
Не зароню сомнений.

Лишь зароню в душе
Лучик прозрачной боли.
Видишь, я стал уже
Твоей добротою болен.

* * *

Альпийская роза – жарки.
Таверна, парящая в скалах.
Как наши шаги легки,
А счастье – в песчинке малой.

А счастье – оно вдалеке.
В дымке, за поворотом.
Только дрожит в руке
Нежный цветок желторотый.

* * *

Слёзы текут по стеклу.
Слёзы, метель и слякоть.
Ветры меня секут,
Режут сердечную мякоть.

Вот они, лоскуты,
По лесу поразвешены.
Чтобы сорвала ты
Их лепестками вешними.

Чтобы лесной букет
Ранил тебя сердечностью.
Столько безумных лет
Я колдовал над вечностью.

Я колдовал с тобой,
Чтобы простые истины
Стали моей судьбой,
Деревом или листьями.

* * *

Осыпается с деревьев
Иней, всё осеребря.
Развернула рукоделье
В доме бабушка моя.

На приступочку подсядет
И махоркой задымит
Наш сосед, суровый дядя
И безногий инвалид.

Он с войны принёс култышки
Да гармошку в два ряда.
Иногда и нам, мальчишкам,
Он играл и пел с утра.

Эх, несётся по деревне
Полупьяный перебор.
Хлестанёт тоскою древней
Так, что слышно до сих пор.

* * *

Вымученная. Из земли.
Комом вставала... А-н-н-а.
Может, святой залив,
Может, сквозная рана.
Лица, лица вокруг.
Как томит неизбежность,
Когда разбивается вдруг
И осыпается нежность.
Что-то из древних мостков.
Что-то из плит заветных.
А может, свистят у висков
Горем убитые ветры.

ЗВУК

Звук рассыпался
и полетел,
Ударяясь,
И плача, и плача...
Жил я рождением долин,
Взмахом весёлых сосен.
Вот и остался один,
Как ветер,
влюблённый в осень.

* * *

О, светлая осенняя пора,
Когда уходит нежность со двора.
Когда сквозь нас промчались кулики,
И крик затих в тумане, у реки.

* * *

Был особенный холод,
Особенный холод войны.
Был дед тогда молод.
И не было горькой вины.

Но был уже взвод
На пространстве огромном.
И вставал. И вперёд
Падал дед мой под бомбы.

Он не знал –
Он, убитый на взлёте, –
Что пропашет война.
И останется горькая нота в
природе.

И звенеть ей, и плакать
И баюкать моря и просёлки.
Будет свежая слякоть,
Будут ёлки-метёлки.

Но не будет беды неизбывной,
Сталью жёлтой падут тополя,
Хлестанут окровавленным ливнем,
И коснутся тебя и меня.

* * *

Смерть уравнивает всех.
Перед гробом все едины.
Вам способствовал успех,
А ему – одна рутина.

Смерть уравнивает всех.
Надо жить добром, прощеньем.
Будет славен этот век.
Нет врагов, забыто мщенье.

Христианская душа
Босиком приходит к Богу.
Жизнь мудра и хороша,
Много сделать можно, много.

* * *

Просто начинает ныть душа.
Что ей нужно? Кто же это знает.
Просто, дымом Родины дыша,
Всё она на веру принимает.

BCË YHECËT
PEKA

* * *

Бабушкин взгляд и руки:
Мелькнут по судьбе-избе.
Словно и нет разлуки,
Словно в святой излучке
Я снова иду к себе.

Бабушкин взгляд и руки:
Снов колыбель моих.
Лекари и подруги –
Эти простые руки
Ладили за двоих.

Да за троих работали.
Небо, их вознеси.
И под своими сводами
Их освети заботами,
Да сохрани, спаси.

* * *

Слушайте своё сердце,
Гулко, гулко вокруг...
Кто-то невидимый
Вас превращает в звук.

Кто-то невидимый
Настраивает струну.
И собирает нити
На веретено-луну.

Чтобы потом родиться,
Листьями обрастая.
Чтобы потом удивиться:
Вот она – жизнь простая.

* * *

Кладбищенские цветы.
Музыка поднебесья...
Скорбный осколок – ты.
Смутные дни предместья.

И по колено в листве,
Как в судьбах.
Лишь отзвук сзади,
Я прихожу к тебе,
Чтоб жить без тебя,
Но ради.

* * *

Станиславу Куняеву

Всё полустанки, полустанки
Сквозь дым связующих времён.
Летим, небесные подранки –
С белёсой прядью, словно лён.

Летим сквозь рваные равнины
И станционный шум, базар.
Талдычит ряд торговок длинный.
Скрипят и рвутся тормоза.

Сойти бы в этом промежутке,
Варёной бы картошки съесть.
И кажется, в летящих сутках
И вечность, и безумство есть.

А вот и церковь (здесь когда-то
Крестила бабушка меня),
И дом, бревенчатый, горбатый,
И школа сельская моя.

И всё как будто бы в тумане.
Из гипса девушка с веслом.
Да – время. Время не обманет,
Кому-то жить, а что – на слом.

Уже осыпались фигуры.
Из гипса виден их каркас.
Но сохранилась арматура,
Ещё связующая нас.

* * *

«Ты меня не забудь», –
Прозвучит на прощанье.
«Ты меня не забудь», –
От любви ль, от отчаянья.

Снова соткан наш путь.
И стежок этот смелый,
Как с картины Мане.
Там, где женщина в белом.

* * *

Владимиру Крюкову

Я возвращаюсь к твоим стихам
Уже который раз.
А за окном снегопад стихал,
Насыпал февральских фраз.

Да и в твоём весёлом бору
По веткам шныряют ветры.
Колют дрова поутру,
Чистят дорожек метры.

Вот он, спокойный мирской уклад:
Печь натопить, наварить картошки.
Сын побежит. Закричит. Он рад
Солнцу, снегу...

В окошке – сосны и сосны.
И белый свет...

Скрипнет калитка. А это – сосед.
Спички спросил, пожурил погоду.
На огороде заячий след.

Всё основательно.
И так от роду.

* * *

Деревенские шумные праздники.
Эх, летели они на меня.
И деньки, молодые проказники,
Шелестели, всё дальше маня.

Много, много в причудливом беге
Сохранила душа. И опять
Мне привидятся человеки –
Шумный рой, многолюдная рать.

Заиграет гармонь дяди Вани,
Запоёт тетя Клава навзрыд.
Будут резать полозьями сани
Твёрдый наст и серебряный вид.

И заплачет, застонет Татьяна,
Вдовый век свой нелёгкий кляня.
Побелеет в ромашках поляна,
Провожая в дорогу меня.

И как будто я снова здесь с ними.
Побродил, помаячил. И вот –
Завернул с пароходом синим
И люблюсь. Какой народ!

* * *

Сало протёртое с чесноком,
Хлеба краюха с горчицей.
Водки стакан замахну легко,
Но не смогу напиться.

Это бывает. Когда тяжело.
Оседает на сердце горечь.
Когда на душе белым-бело,
А в голову лезет всякая сволочь.

* * *

Люблю я русские дороги.
По большаку – полынный ряд.
И васильки летят под ноги,
И подорожники летят.

И разнотравье, и раздолье.
Две пыльных вьются колеи.
И хор кузнечиков, и поле,
Как море, плещется вдали.

Как заклинанье, как прощенье,
Летят по небу облака.
И веют светлым утешеньем
Колосья хлеба. И слегка

Колышет марево тумана
Под утро лёгкий ветерок.
И вечно манит, вечно манит
Какой-то дальний хуторок.

* * *

«Тихая моя родина...»

Н. Рубцов

Светлая моя родина,
С первым снегом своим.
Сколько с тобою пройдено,
Сколько прожито зим.

Всё, что отсюда вынес,
В сердце своём храню.
На этой земле я вырос,
В звонком лесном краю.

Здесь, на реке и в поле,
В рощах березняка,
Я напитался вволю
Светом родным. Легка

Стала мне ноша жизни.
Вот и иду с тех пор.
С хитрую укоризной
Меня провожает бор.

Что-то шепнёт малинник,
Прощально махнёт дымок.
Пусть будет дорога длинной,
Пусть будет мой путь далёк.

* * *

Водка. Холодно. Подворотня.
Нет аптеки, нет фонаря...
Замерзает бездомный тихоня
На исходе зимнего дня.

И сосновые доски – что койка.
Мыслей проблески, и метель.
Ему домик привиделся только,
Домик, полный весёлых детей.

И душа, словно выжженный купол,
Припорошенная снежком,
Вдруг затихла с улыбкою глупой,
И пошла вдоль забора пешком.

Дай нам, боже, терпенья и силы.
И великую скорбь. И печаль.
Чтобы чёрствые души России
Вновь смогли бы беду замечать.

* * *

Чьи-то чуткие уши:
Шелест ветра, воды.
Чу... заблудшие души
Снегом лягут в сады.

А в сверкающем мире
Вечность день ото дня,
Мы деревьями были.
Ты любила меня.

Твои гибкие ветви,
Лёгкий стан заводной
Гнули снежные ветры,
Поливали водой.

Дождевой и осенней,
И целебной водой.
И побеги растений
Шли ковром за тобой.

* * *

Э. Д.

Я не люблю метания огней.
И в окнах занавесок воздух лёгкий.
Уже нанизан отзвук наших дней
На небосвод, плывущий и далёкий.

Уже хрустит еловый след в лесах.
Уже грустит, бледнеет лунный свет.
И брошен жребий на литых весах,
И звёздного спасенья больше нет.

Прощай, мой друг. В крошечной темноте
Был виден свет, блистающий и дивный.
Мы жили так. В наивной простоте.
Омытые грозой, холодным ливнем.

Мы жили так. И в трудностях лихих
Всегда искали добрые начала.
Нам не несли подарков дорогих.
Зато был дом, где музыка звучала.

* * *

Утром 8 сентября над Куликовым полем
Стоял густой туман.
И говорок сухой, и море
Щитов, мечей. И стан не виден был
Мамаев. Но уж вскоре
Поднимет саван свой заря,
Забьётся сердце – русский воин,
Зазолотятся купола лесов прибрежных.
И лошадиный храп уж слышен будет.
И только иволга свой нежный,
Свой дробный голос приструнит.
И только выхухоль лишь ухнет
Утробным голосом своим.

* * *

Я русский человек.
Мне многое дано.
От этих бурных рек,
Где воздух, как вино.

От этих белых выюг,
Застывших в хрустале.
От этих тяжких рук,
Прикованных к земле.

От золота листвы,
Летающей в октябре.
От серебра травы,
Сверкающей во мгле.

И в море васильков,
И в буйстве кедрочей
Седеющим виском
Коснусь родных очей.

И терпкая полынь.
И дальний огонёк...
И сердце обожжёт
В печурке уголёк.

* * *

Люблю я тишь библиотек.
И холод книжных магазинов.
Когда слетает с окон снег
И лёд на реках синий, синий.

Уединенья лёгкий шум –
Как будто говор голубиный.
А с крыш капель: бум-бум, бум-бум.
И день погожий – длинный, длинный.

* * *

Б. Бурмистрову

Я гимн сегодня напишу лозе.
В ней луч небесный, растекаясь, бродит.
И падают дождевики, и в росе
Сверкает виноград. А на подводе

Нам машет осетин. Весёлый дядька.
Хозяин виноградников. И их
Здесь столько в бесконечности предгорий,
Что рук не хватит женских, золотых,
Чтобы собрать тот виноград. А вскоре

Здесь осень ляжет охрой. И золой
Костров пастушьих. А зимой
Лозу пригнёт и снег, и ветер злой.
Но нас уже не будет здесь зимой.

О, синяя, прекрасная страна.
Здесь твой народ с тревогою в глазах
Живёт, тысячелетье измеряя.
И, никогда себе не изменяя,
Лозу лелеет с песнями, с цветами.

* * *

По ступенькам забытых племён
Прошагал мой доверчивый прадед.
Были гусли, свирелька при нём,
Чистый голос ему был даден.

Колосятся, заносятся дни,
И бегут верстовые глубинки.
Сколько съедется дальней родни –
Ты услышишь, как звякают крынки.

Всколыхнётся пичужка-печаль,
Заплетаясь в соцветья и травы.
В озерце коростель прокричал,
И тревожно шумели дубравы.

Сникли лилии и щавель,
Наросли на корчагах наросты.
Но всё так же трещит коростель,
И всё так же струится воздух.

* * *

Владимиру Костину

Снега-снега, поля-поля –
Унылые картины.
Люби, люби эти края,
О них пиши былины.

Доверься росчерку пера,
И холоду, и снегу.
Такая на дворе пора,
Кричи, хоть – кукареку.

Лишь гул услышишь вдалеке.
Подземный и утробный.
Так лёд ломается в реке,
Сбиваясь в месте лобном.

Изрезанный пройдёт состав,
Белеющий, упрямый.
И вздыбится, к мосту пристав,
Там, на излёте самом.

Там, на излёте зимних дней
(Чего ещё нам надо?),
Весна идёт. А с ней – за ней –
Придёт душе отрада.

* * *

Это всегда утешение:
Видеть, как солнце встаёт.
Радость и удивление –
Утренний птичий полёт.

Эти премудрости утра –
Небо и облака.
Как-то спокойно и мудро
Так вот и плыли века.

Так постепенно и плавно –
Над этим леском и жнивьём.
Вот и подумаешь: славно,
Славно, что здесь мы живём.

* * *

Мы шагали по небу,
А потом – по земле.
Низко кланялись хлебу
И картошке в золе.

И родное убранство,
И родные поля
В нас хранят постоянство.
И, как видно, не зря.

Но зачем-то подолгу
Всё глядим в нашу даль.
Было б только в том толку.
Видно, просто нам жаль,

Что у белого света
Мы, наверно, в долгу.
Что у жаркого лета
Мы сейчас на виду.

ПАРАБЕЛЬСКИЙ МУЖИЧОК

*Погибшим и выжившим
спецпереселенцам*

1
Парабельский мужичок,
Всероссийский паря,
Получил такой «щелчок»
Не от государя.

Парабельский мужичок,
Ловкий, как корчага.
Но и мудрый, как сверчок,
Словом – молодчага.

Были, были времена
И лиха година.
Плыли люди – вот «стена»:
Лес и холодина.

Бросили на берег их
Здесь, у Парабели.
Выживали в путях злых.
Да не все сумели.

Кто землянки, норы рыл,
Зверю уподобясь...
Кто под лёд тогда уплыл.
Смерть – не часто доблесть.

Мать повесилась тогда
В жуткой круговерти.
Только так детей смогла
Увести от смерти.

Их в детдом забрали здесь.
Голод, холод... – «Сладим!»
Судеб здесь таких не счесть,
Поседеешь, глядя.

Чумовой буранный вой
Бьётся, бьётся в ставни:
Мужичок был с головой –
Ставил избы, ставил.

Как погосту ни расти –
Избы переселят.
Может, можно здесь найти,
Средь болот, Россию.

Это будет: велико,
Далеко и страшно.
Злобу будет нелегко
Изживать. Но важно,

Чтоб её не привечать,
Не изгадить душу.
С горем счастье повенчать –
В этом корень, друже.

2

*Три женщины на мраморной плите.
И три берёзки с ними рядом.
(Мемориал возле
Парабельской больницы)*

Три берёзки – три сестры.
Три судьбы в граните.
Шелестят-метут листы –
Души наши слиты.

Души наши полетят
Птицами над Обью.
И на холмиках девчат
Сядут в изголовье.

На высоком берегу
Строилась больница.
Мужичок тот был крикун –
Бога не боится.

От топорика летят
Щепки по сугробам.
Мужичка ведь приглядят –
Злоба иль зазноба.

Иль берёзки прибегут,
Да и спляшут сами.
Иль, как памятник, замрут,
Закипят слезами.

Нет, зазноба прибежит –
Пышет жаром, пылом.
Будет память, как ножи, –
Горе сломят миром.

Горе-горюшко уйдёт
Полям, кедрачом ли.
Затаится как угод,
Улетит – грачом ли?

Или коршуном вдали
Высмотрит добычу.
Ты любовь мне подари,
Счастье сам поклочу.

3

Уплывал в седой Нельмач
Радостно Данила.
А скрутило – плачь не плачь,
Лодка – не могила.

В лодке тихо умирал,
Как ребёнок в люльке.
Вспомнил всех по именам:
Лаской убаюкал.

Вспомнил сына своего,
Что в Афгане сгинул,
И родимое село –
Вереницей длинной.

Вспомнил холмики стогов,
Что зимой отрада.
Жить бы сорок сороков,
Больше и не надо.

Больших бед не пережить,
Только сгинуть проще.
Кто там на ветру дрожит?
Из берёзок роща.

К дому тянет, как магнит,
Даже деревяшку.
Если дом трубой дымит,
Поднесут рюмашку.

С телом деда приплыла
Лодка, в берег билась...
Жизнь была иль не была?
Дольше жизни длилась.

Ну а здесь оборвалась
Да далече скрылась.
Хоть злодейкою звалась,
Всё равно ведь – милость.

Вижу лодку впереди,
Деда буду славить.
Как мне сердце охладить,
Горечь снам оставить?

Парабельский мужичок!
Ты в народе, в гуще.
Крутит, крутится волчок,
Что метелью пущен.

4

*«Нагоревшим жаром пышет печка.
Он сидит, нахохлившись, как сыч.
Продавает в дымное колечко
Из махорки – собственную жизнь».*
Борис Серебренников,
упокойшийся в Нельмаче

Продавал судьбу в колечки
Вальщик леса и поэт.
Время лечит, время лечит,
Если встанешь ты чуть свет.

И литовочку поправишь,
И пойдёшь на свой покос.
И начнёшь ты землю славить,
На которой ты возрос.

Чёрной ниткою беду
Пришивал ко дну оврага.
Ну а радость на виду
Оставлял. Вот так и надо.

У земли ведь нет и края –
Тут ты прав, поэт Борис! –
Как и у любви – окраин...
И следы оборвались.

И ушла твоя подруга,
Лебедицей взвилась вверх.
А у жизненного круга
Без подруги свет померк.

Спрятал боли все в себе,
Старые стряхнул обиды.
Песню сложил о судьбе
И сказал земле – мы квиты.

Лишь душа твоя живая
Над тайгою полетит.
Как варакушка шальная,
Как поэма, зазвенит.

Парабельский мужичок,
Пред тобой склониться
Я спешу на пяточок...
Да с народом слиться.

Славный выдался денёк:
Сколько новостроек!
Парабельский мужичок,
Ты по жизни – стоек.

Поклонюсь просторам этим,
Стану сам здесь, как сверчок.
Будет славен в этом свете
Парабельский мужичок.

ПРОСЁЛКИ

*Моей бабушке
Татьяне Николаевне Червовой*

Образ Божьего мира
Вечно несём в себе.
Как ты ткала-говорила –
В этом и есть наша сила.
А я всё твердил тебе,
Что только ветрами брошенный,
Что только тоской изношенный,
Я нужен своей судьбе.

1
У согры в мареве огней
Посёлок мой – светильник скромный.
Но стороны этой милей
Я не встречал в стране огромной.

Я не встречал тех лиц добрей –
С печатью сделанной работы.
Нет лучше этих славных дней,
Где прожил я в святой заботе.

Весной нас щавель угощал,
Саранка, лук и свежий ветер.
Порой – от холода в прыщах,
А впереди: всё-всё на свете.

Такое свойство детских игр,
Забав причудливый полёт.
Пацан здесь каждый – командир.
А голод гонит нас вперёд.

Но под метель веретено
Крутила бабушка в сторонке.
И было это так давно –
Во времена надежды звонкой,

Во времена простой судьбы,
Что вперемешку с серым небом,
Где снежный след от городьбы
К избушке той... Давно уж не был

В родных краях, где пескари
В реке с названием Иня.
Где луны – словно фонари,
Где я хотел весь мир обнять.

2
Но обнимал могилу брата.
Ему и не было семи.
И этой осенью проклятой
Глаза я горем подсинил.

Я подсинил свою судьбу
Ночной тоской и злостью дерзкой.
Но мир, который был мне мил,
Меня поправит в мыслях резких.

И подорожник у обочин,
Ирис озёрный, лебеда –
Меня приветили тогда:
Домой вернулся только к ночи.

Прощайте, игры детских лет:
Поджиги, стрелы и ножи.
Всю жизнь хранил простой обет:
Людскою болью дорожи.

И оживёт, как символ дня,
Моих шагов колючий ветер.
Чтоб у притихшего огня
Я был печалью не изъеден.

З
И разбегутся с ясным взором
Мечты, желанья и слова.
Но охладит безумным вздором
Слепая спелая молва.

А на пространстве в закоулках
Любви суровой забытьё
Искать, когда на сердце гулко.
О, поле памяти моё.

О, море милых расставаний
На берегах святых обид.
О, море злых воспоминаний.
Ау, уже мой путь открыт.

И вот уже рисует время
Осколки радужных надежд,
И вот уже несёт беремя
Осенних пламенных одежд.

И вьётся ветер Магадана
Суровой снежною волной.
И золотой песок Сеймчана
Летит и плачет надо мной.

И лишь барханам Мангышлака
Струиться бархатом вдали,
Где саксаулов вечных драка –
Попробуй их останови.

4

Я пил из горного ручья
На Хамсаре, в долине сказов.
Где вечность у камней ничья,
И где ничьи гранитов вазы.

Где изумрудные поля
Той бесконечностью томимы,
Когда сквозь образы любимых
Мы видим судьбы и моря.

Увы, шальные ноябри
И октябрей лихая скука –
Всё это будет нам наукой,
Когда нас век осеребрит.

Но не удержим позолоту.
Как перхоть, сыпалась она.
Была мелодия странна,
Была вселенская забота.

А как иначе. Ведь в огне
Сгорали всплески. И разлуки
Несли страдающие руки.
И это было обо мне.

Моя безумная печаль,
Как факел, грела чьи-то души.
И ручеёк хотелось слушать,
А также во поле кричать.

Люблю тебя, моя сторонка,
Мой тихий славный уголок –
Как шелест трав у быстрых ног,
Как иволги комочек звонкий.

5

И, может быть, на склоне дня
Меня настигнет изначальный
Мотив знобящий, обручальный,
Судьбой и пропастью маня.

И долго падать нам с разбега,
Поклонники немого века.
Сподвижники больших начал,
Там, где нам ворон прокричал.

А как шептали ковыли,
В той неизбежности пролётной,
Когда, свистящий и залётный,
Летел мой век. Но мы смогли

Его улыбкой удивить.
И, провожая пароходы,
Сквозь сумрак и святые воды
Своё движение продлить.

УТРО. ДЕТСТВО

Только с рассветом встаём.

Кажется, птицы летают.

– Бабушка, что за окном?

– Всюду земляца святая.

– Бабушка, что же метель

Так заметает земляцу?

– Чтоб белоснежна постель

Светом могла возродиться.

– Бабушка, что так скрипят

Нынче опять половицы?

– Это для малых ребят

Музыка – им ведь не спится.

Это для малых ребят

Скрылками петь половицам,

Чтоб им приснились опять

Светлые, светлые лица.

* * *

Это всё хорошо. Это бархатный снег
Забеляет пространство, играя вдали.
Это всё хорошо. У распахнутых рек
Засвистит березняк. И душа заболит.
И откроется вдруг снеговая дорога.
Свет, разрезанный на пласты.
И осыпанный иней немного.
А желанья просты:
Растопить в доме печь, ожидая покоя,
У огня посидеть и послушать метель.
Я ведь много не знаю, но знаю такое,
Что вам снится, моя одинокая ель.

Ах, как ветви сплелись, словно плети,
И как вширь размахнулась хвоя.
Эта жизнь снеговая приветлива нам
В этом свете.
Потому, что она и твоя, и моя.

* * *

Я засыпаю под стук дождя
По мокрой железной крыше.
То сильнее, то снова тише
Слышу тревожный стук дождя.

Потому монотонна грусть,
Бесконечна в моём притворе.
Словно лодочка в синем море
Уплывает, плывёт. И пусть.
Как легко ей в этом просторе.

* * *

Всё глуше и скупее
Застольный разговор.
Как иногда умеем
Нести глупейший вздор.

И выпито немало,
И сказано – ого.
Дивись, что с нами стало,
А стало – ничего.

А стало как-то скучно,
Невесело уже.
И в окнах мрачны тучи,
Стоят настороже.

А им бы что поведать,
Тем странницам лихим.
От них не жди ответа, –
Гигантские мехи

Развеют ветер, морось,
И скроются пока.
«Ах, есть ли у вас совесть?» –
Кричал я в облака.

* * *

Как мало для радости надо.
Мелькнёт огонёк за окном.
Под вечер ложится прохлада,
Темнеет лесок за оградой,
И тянет с реки холодком.

А вот уже стадо у брода,
Пастух тихо щёлкнул кнутом.
Проедет с дровами подвода...
Старушки (опять взяли моду)
Сидят-говорят обо всём.

* * *

Одного достаточно прикосновенья.
Больше и не нужно, больше – нет.
Этот бархат – ветра дуновенье...
Этот свет, огромный белый свет.

Никаких наречий, лишь касанье
Рук и губ, и снова – рук и губ.
Это долгожданное свидание,
Рук и губ, опять же – рук и губ.

ЖУРАВЛИ

Летят, летят. Я слышу посвист лёгкий.
Летят они, предвестники весны.
И воздух холодком наполнил лёгкие,
И окна синевой отражены.

Как долго жили зимними ночами
Мы ощущеньем давним и живым.
А нам всё время что-то предвещали,
Пугали дымом, блеском ножевым.

И вот летят посланцы дальних стран,
Послушники, дружины боевые.
И врачеватели открытых зимних ран,
И сны несут – побеги золотые.

* * *

Дай мне простой покой,
Зыбкий и беспросветный.
Чтобы в наш мир нагой
Верил я беззаветно.

Чтобы летел хорал
Над бесконечным полем.
Чтобы я здесь узнал,
Как убаюкать горе.

Как развести печаль,
Пить тот напиток терпкий.
Как мне тебя различать,
Мир мой – суровой лепки.

* * *

Наше русское небо –
Белёное, как вода.
Где бы я ни был, где бы –
Небо со мной всегда.

* * *

Обернулись прошедшие дни листопадом,
Я давно их с собою ношу.
Больше этих высот ничего и не надо,
Больше этих щедрот ничего не прошу.

* * *

Не надо ничего. Мы всё уже сказали.
Сквозит небесный свет по лунным ступеням.
И голубиный взгляд с холодными глазами
Подскажет нам сюжет. Такие времена...

А что же мы стоим? Давай постелем скатерть.
Нальём себе вина, как добрые друзья.
Ведь этот тихий час хотелось бы потратить
На лёгкий разговор о смысле бытия.

* * *

Мы так близки по ощущениям жизни.
Бросает цвет миндаль, сгорает темнота.
И взгляд не оторвать, и не уйти от мысли,
Что этим миром правит святая простота.

Ты видишь пар, дымок – и улетает слово.
И ширится метель у белых куполов.
Нам многое дано от русского глагола,
От речи несказанной, её полутонов.

ГОРОД

Этих дней прозрачная печаль –
Улетает снег, струится вечер.
И луна, что бледная свеча,
Льёт свой свет на сгорбленные плечи.

Пилигримы тёмных переулков
Вновь идут походкою грачей.
Их шаги скрипучи, но не гулки.
Гулко только от пустых речей.

Выйдем с ними, схимники, паяцы.
Побредём по улицам ночным.
Будем языками бряцать, бряцать.
Не заняться делом нам иным.

ДЕМОН

Над ним расчерченное время,
Летят куда-то облака.
И в это время, в это время
Сверкнёт, как молния, строка.

И он подумает: «О Боже,
Я здесь в темнице золотой,
Как конь, верёвками стреножен,
Как лес, от инея седой».

Ему томиться здесь от века,
Скрывать и мысли, и дела.
Он не похож на человека,
Его разлука родила.

* * *

Где вы, пересмешники! Седые
Головы склонили над бедой.
Как давно вы были молодые.
Был и я когда-то молодой.

Мчались мимо горести. На воле
Не удержишь молодости прыть.
Только ветер воет в чистом поле –
Что ему, проказнику, не выть.

И, промчавшись лихо в перелесках,
Прочесав под вечер облака,
Он летал и бегал мелким треском,
И талину в озере макал.

Наша жизнь проста, неугомонна,
Много в ней от ветра и тоски.
То мелькнёт рассветом законным,
То возьмёт – обнимет, как тиски.

* * *

Плавно, плавно плывут за оградой
Вечные облака.
Кто их там гонит, нет с ними сладу.
Белые облака.

* * *

Вот оно, заснеженное время.
Тихо убывает и уйдёт.
Потемнело у сугроба темя,
Тёплый ветер вьётся у ворот.

Почернела сельская дорога.
У обочин клоч соломы жёлт.
Вот она, весенняя морока,
И ручьёв, и рек водоворот.

РОДНЫЕ МЕСТА

Родные места. Их величье
Не в том, что таких больше нет.
А просто своё здесь отличие
Того, что хранит нас от бед.

* * *

А белая метель
Стирала небосвод.
Последний снег летел,
Летел над кромкой вод.

Играл свой менуэт
Проснувшийся скрипач.
И так вот – много лет –
Весна. И снег. И плач.

* * *

Захотелось к родным, в захолустье,
Там, где сена душистого клочок.
Там, где тополь осенний промок,
Там, где речка с извилистым устьем.

* * *

Как птица, ко мне залетая,
В оврагах, в степи, и в лесах
Приходит волна заревая,
Весенних побегов краса.

Зелёные сочные тени
Везде накрывают меня.
Возьми быстроногих оленей,
Возьми вороного коня.

Чтоб ветры крыла обдували,
И мог бы на миг превозмочь
Травы тяготенья и дали,
Деревьев проснувшихся мощь.

* * *

Белизна больничного покоя,
Да полей бескрайних белизна.
Я не помню, было ли такое,
Чтобы так знобила нас весна.

И опять, сбиваясь у окраин,
Раскричались своры воронья.
Снег лежит, и, кажется, не тает,
И тоску наводит на меня.

* * *

Как дышит весенняя роща,
Слезинки сметая с хвои.
И нам бы пожить как-то проще,
Запрятав тревоги свои.

И нам бы лететь, не мелькая,
По первым побегам травы.
И нам бы смотреть, не мигая,
На мир, не склонив головы.

* * *

Поклон наш открытому сердцу,
И чистым, и светлым глазам.
От их чудотворства и детства
Да будет хрустальной слеза.

Да будет хрустальная радость,
Чтоб можно – для тысячи глаз
Какую-то самую малость
Несчастливым раздать в этот раз.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ПРАСОЛОВА

Никто не знает, что подумал,
Решив исчезнуть навсегда,
Он, оказавшийся под дулом
У лжи, невидимой тогда.

Он, докуривший сигарету,
Покончил с жизнью до конца.
Но взвились строчки, и по свету
Неслись, приветствуя творца.

Опять «стремление штыковое»
У трав. И дымка, и дома.
Приник закат, остались двое.
Он и поэзия сама.

* * *

Вот промелькнёт прохожий,
Юркнет к своей норе.
Мир наш истоптан, исхожен.
Лишь угольки в золе.

Тлеет тепло окраин,
Сельских, степных, речных.
Много здесь горьких тайн,
Сколько сверчков печных.

Матушка у застолья,
Ждёт дорогих гостей.
Слёз наплакано столько,
Столько тяжёлых вестей.

Листья летят устало,
Лодка на тёмной воде.
Птица кричит: «Горя мало.
Горя мало везде, везде».

* * *

Монастыри Святой Руси,
Как будто светочи немые.
Неси их время, вдаль неси
Сквозь грозы, ветры болевые.

И здесь, у крайнего предела,
Услышишь праведную речь.
Уйдёшь, чтоб в мире поределом
Святую музыку извлечь.

Всё станет ясно и понятно.
И старца слово зазвучит.
И станет путь простой и внятней,
Как пламя тихое свечи.

* * *

Седая женщина, седая,
С глазами синими, что ночь.
Идёт, как осень золотая,
Ей всё по силам превозмочь.

Она сносила терпеливо
Беду и мужнину любовь.
Ей всё легко, ей всё красиво.
Ей всё как будто вновь и вновь.

Она идёт, она летает,
Всегда покорная судьбе.
И первый снег в ресницах тает,
И первый холод по щеке.

И первым клином журавлиным
Её уносит вдаль и вдаль.
В мечтах, как в кружевах старинных,
Так далеко она... А жаль.

* * *

Сколько мудрости в песне народной.
Бесконечны напевы, легки.
То нахлынет струёю холодной,
Как дыханье могучей реки.

То, послушайте, во прибрежных
Она шепчется в тальниках.
То зальётся мелодией нежной,
То затихнет. То снова, легка,

Полетит по бескрайнему морю –
По зелёным полям и лугам.
Сколько в ней освежающей боли.
Сколько грусти. И вижу, что там,

На далёких и прежних заставах,
Где тревожные ветры метут,
Мои предки встают не для славы,
Не для радости песни поют.

* * *

Родина моя, непобедимая,
Встану у твоей реки, замру.
Всё кругом родное и родимое.
Холодком дохнуло поутру.

И куда ни гляну – за рекою,
На холмах, поросших сосняком –
Всё это могу достать рукою
И промчаться по лесу бегом.

И послушать летними ночами
Музыку твоих небесных сфер.
И увидеть... Эх! – не замечали.
И застыть, как вечный старовер.

* * *

Встречая прошлое, встречая,
Глядим, прищурясь, на дома.
Горит ли лампочка, свеча ли,
Иль улица – темным-темна.
Здесь сохранилось всё, как было,
Когда мы мчались босиком.
Ах, время, здесь оно застыло.
Лишь привалились, и ничком
Дома грустят у косогора
Среди крапивы, лопухов.
И нет уже того простора,
Лишь шум и гам грузовиков.

* * *

Силён и гибок голос ночи.
А паровозное тепло –
Обдаст, и поезд прогрохочет,
Огнями высветив село.

И в одиноких переулках
Залают, крикнут, засвистят.
И пронесётся эхо гулко
По этим самым переулкам,
И будет ухать ночь подряд.

Ах, эти странные причуды.
Мы ими с детства все полны.
И ощущаем ком вины,
Когда тоской окружены
Огни и праведные люди.

* * *

Уже – осенняя печаль
И незаметно, невзначай
Легла на наши голоса,
На это небо, на леса.

Ещё округа зеленеет,
Ещё невидим жёлтый лист.
Но вот уже в ночи бледнеет
И холодеет лунный диск.

* * *

Кругом ласкающим прибоем
Летело время, плыл закат,
Казалось, это время Ноя
Нас здесь приветствует стократ.

Стоял туман. И горький август
Ложился листьями в траву.
Своим лицом охрово-красным
Закат светился. Не пойму,

Что так настойчиво и пьяно
Нас тянет шумный листопад.
И дождик, путник полупьяный,
Не успокоится никак.

* * *

Эта бесконечная дорога.
Эта бесконечная печаль.
Ты меня, неволюшка, не трогай,
Ты меня, тоска, не замечай.

Разливные реки нас носили
По седым, по чёрным берегам.
Под белёсым облаком красивым
Нам с тобой не скучно было там.

Это там, в сторонushке привольной,
Пригибалась мурава-трава.
Это там цветочек семидольный
Рассказал заветные слова.

* * *

Разве пришла нужда
Нашу жизнь ворошить?
Это звенят провода –
Жить нам или не жить.

Это в охровом сне
Забылись леса. Везде
Сосны кивают мне.
И отраженье в воде.

Машут платочком поля
С седеющей синевой.
Вот и калитка моя,
Значит – вернулся домой.

Бабушка лишь в сердцах
Звала меня – шалапут.
Девушки в платъицах
На танцплощадке ждут.

* * *

Этих дней золотой листопад
Разлетался, в аллеях скользя.
Понасыпал он столько баллад,
Столько сказок тебе рассказал.

Этот говор и шелест аллея
Будет долго лететь-шуметь.
Вот клубок у моих дверей
Собирает осеннюю медь.

Выйди в сад – проливной, сквозной,
Лёгкий и трепетный день.
Как здесь дышится, Боже мой,
Как прозрачна от сосен тень.

Лёгким маревом тёплого дня
Говоришь-говоришь. О чём?
Это не важно. Прости меня.
Это осень. Я ни при чём.

* * *

Лист упадёт. А потом лежит
До первого снега.
Его не спросишь: как твоя жизнь,
Где ты так долго бегал.

Где ты летал на семи ветрах,
Кто тебя славил и нежил.
Как трепетал на ветке. И – страх –
Сорвёшься. А ведь ещё не жил.

И вот спланировал на тропе.
Великий молчальник и знахарь.
Стало тепло и легко тебе
Под синим морозным знаком.

Иней ночной присмирил поля,
Кистью махнул угрюмо.
В белый цвет всё вокруг изваял.
Нет – ни листвы, ни шума.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ай, да увяли все цветочки
За селом.
Ай, да не машут нам платочком.
Поделом.

То мороз, то дождичек – велики.
Им поклон.
То сосульки брякают – динь-диньки.
У окон.

Ай, да красны девицы разбрелись.
Кто куда.
Не по нраву стала им эта жизнь,
Вот так – да.

Снегом припорошена вся земля.
Тишь да гладь.
Жили мы хорошие, ой-ля-ля,
Всем под стать.

РОСТРОПОВИЧ

Взял виолончель и вышел...
Музыкант. Ребёнок. Лицедей.
Белый цвет берёзовый. А выше –
Синева. Да, он любил людей.

На могиле всё в цветах. В оградке
Три цветка... и два... один цветок...
Нет, он с нами не играет в прятки.
Он идёт к нам, делая виток.

Он склонился с детской улыбкой.
Взмах смычка. Магический покой.
Бриз морской. И промежуток зыбкий
Между небом – грешною землёй.

Это, может быть, ещё случится.
Нам напомнит небо этот звук.
Где же та виолончель? И лица?
Далеко-далёко, милый друг...

* * *

Опять апрель – стопой неслышной.
Но ярким светом режет снег.
Опять на вербах днём всевышним
Росток увидит человек.

И удивится жёлтым всходам
И серебристым облакам.
И одиночество природы
Нальёт в серебряный бокал.

УТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

* * *

У заветной ветлы, у заветного дольного

Камня

Он согреет меня, мой старинный очаг.

Это там, за рекой, вон за тем поворотом...

А там ли?

И не вспомнить. Неужто и я так душою

Зачах?

Мы в глубоких озёрах здесь рыбу удили.

Собирали дрова, зажигали костёр.

А вверху нам весёлые звёзды светили.

И орёл свои крылья для нас распростёр.

Эта осень свои открывает объятия.

Льётся синь и скрывается вместе с рекой.

И стоят тополя – изумлённые братья,

Осыпая листьями прибрежный покой.

ВСТРЕЧА

Сказали – ровный человек,
Усталый взгляд, седые руки.
Сказали – здравствуй, человек.
Вот твой обед и тёплый угол.

Затем нашёлся разговор,
Он тёк неспешною волною.
Когда осматривали двор,
Года стояли за спиною.

Как будто прожита вся жизнь,
Как будто знали век друг друга.
И лёгкий ветер вился ввысь,
И отлетала злая скука.

Вот так – на жизненном пути
Нас озарит вдруг встречный образ.
Своею грустью осветит,
И долго слышишь этот голос.

* * *

Такая грустная страна
Встречала нас туманным утром.
Такая серая стена –
Своею тяжестью занудной.

А сзади милый человек
Качался в пьяной полудрёме...

Счастливый век, безумный век
Дымил в любви полужнакомой.

Дымил исхоженный вокзал,
И проститутки хохотали.
И блеск неоновый в глазах.
И мокрый отблеск серой дали.

Вот так приедешь в этот край
И встанешь свежим истуканом.
Зачем я здесь, зачем мне рай
С большим неоновым экраном?

* * *

Эта птичка-невеличка –
На высоком на юру...
Промелькнёт душа-чумичка
Во сосновом во бору.

Промелькнёт одним побегом,
Как цветочек полевой.
И порою, где бы ни был,
Свищет ветер болевой.

И тоска такая ляжет,
Что потеряна краса...
Что сосед мой дядя Яша
Долго смотрит в небеса.

Что ему там приглянулось?
Что он ждёт в краю родном?
Он не знает. Просто скрылось
Счастье в домике одном.

* * *

Давала поначалу
Мне бабушка наказ:
Ты, внучек, без печали
Работай в этот раз.

Ведь нынешня работа
От света самого.
Зимою ни заботы, –
Картошки – о-го-го.

Заквашена капуста,
Что в бочке у дверей.
Вот огурцов не густо.
Зато – свеклы полней.

И чайник бьётся вроде,
И кот бежит к печи.
А бабушка заводит
Блины да калачи.

А я беру чернила
И ручку, и перо.
Пишу, что летом было,
Про дождик, про село.

А к нам уже стучится
Метелица в окно.
И серебром лучится
Фонарик, как в кино.

* * *

Опустелое лицо.
И сухие руки.
На комодe – письмецо.
В огороде – дуги.

Всё исчерпано до дна,
Как в стакане с чаем.
Чья вина? Иль не вина?
Кто тут отвечает.

Так деревьям суждено –
Замереть до срока.
Ствол, метель – веретено.
Да трещит сорока...

* * *

Что мне машут просторы лесные
И озёрный мой край с ковылём?
Это ветры несут стремленные
Облака над притихшей землёй.

Это там за стожком и овином
Разметалась подруга-река.
Это там с поцелуем невинным
Мне махнули платочком – пока.

Ты порадуй меня, человече.
Расскажи про земные дела.
Про дома, огороды и печи.
И про то, как метель тут мела.

И про то, как платочком махала
Та берёзка, и ветром жила.
И взлетало в цветах покрывало,
И вдруг стала невеста – жена.

* * *

Это в нашем северном просторе
Лебеди летели так высоко.
Это в нашем северном просторе
Реченька таилась так глубоко.

Выходил к той речке паренёчек,
И глядел он в даль на лебедей.
И был светел праздничный денёчек,
И был праздник красный у людей.

Что же так гармоника играла?
Что же гармонисту весело?
Что же ему места нынче мало,
Что так закудрявилось село?

Потому под клёкот лебединый
Уносилось сердце на простор.
Вышивала девица старинный
На платочке голубой узор.

* * *

И видел – поникшие руки.
И берег, и облака...
И видел – плывущие струги,
И как их встречала река.

Стояли могучие ели,
А ветер макушки качал.
На стругах оружием гремели,
А кормчий в тумане кричал.

Прощайте, скалистые горы.
Послышался мощный запев.
И – прочь головные уборы,
И – мощно на вёсла насев,

Ватага дышала морозно.
Октябрь раздувал паруса.
Ермак был настроен серьёзно,
Ему приглянулись леса

И эти могучие дали,
И этот суровый размах...
– Эх, братцы, мы много видали,
Но здесь – наш и дом, и очаг.

* * *

Где же женщина та, что хранила очаг,
В перепутьях тебя берегла.
И блистала слезинка в кристальных очах,
И ухваты летели со зла.
И не вспомнить забытый сюжет
И раздробленный стук каблучков.
Может, нет этой женщины? Может, и нет.
Это просто преданья веков.
Но летит она, женщина, в снах и мечтах.
Развевается шарфик льняной.
И какой-то чудак на небесных вратах
Ей помашет вдогонку рукой.

* * *

Это на том берегу день-деньской
Вьётся дымок над трубой.
Это на том берегу люд людской
Занят самим собой.

Там и сугробы, словно слоны,
Белой идут гурьбой.
В этих снегах только трубы видны,
Только простор голубой.

Здесь бы пожить мне. На стороне.
Там, где манящий покой.
Что-то неладно в моей стране,
Что-то и сам я совсем плохой.

Вдруг как нахлынет тоска такая.
Запахнет тюрьмой и сумой.
И побегут, друг друга толкая,
Мысли. Безумный рой.

* * *

Мой друг – окраины избранник.
Здесь сосны – призраки в ночи,
Здесь он – избушки давний данник
И истопник своей печи.

Живёт. В трескучие морозы
В окно посматривает вдаль.
В дверь постучит сосед «тверёзый»,
Попросит что-нибудь подать.

От ветра щёлкает калитка,
Дорожка весело бежит.
И снег повалит шибко-шибко
На огородные межи,

На игры летние растений,
На дровяник и на сарай.
Навстречу зимним приключениям
Летит-бежит собачий лай.

* * *

Наша жизнь по капелькам уходит.
Вот читаю: умер имярек.
А ведь с ним, большим, в былые годы,
Я встречался. Помню его смех.

Сколько сил в недюжинной натуре.
И слова – чеканны, как медаль.
Он был представителем культуры.
Его книги?! Кто их не видал.

Вот они, нетленные, на полках.
Автор их – теперь в небытие.
И оттуда машет нам. Поскольку
Мы идём тихонько в сферы те.

МОИ ПРЕДКИ

Притаились, приникли тоской.
Умывались слезою горючей.
Слово молвили – «Боже мой»,
И пугались звезды падучей.

Но кругом колосились поля,
Молотились хлеба цепами.
Запрягал мой прапрадед коня,
Ехал долго, и всё лесами.

Где же та Беловодье-страна?
Говорят, вон за тем поворотом.
Но пришёл и увёл сатана
К Васюганским гнилым болотам.

* * *

Эх, летели-полетели соколы.
Много люду их встречало у горы.
У горы, на поле вольном, у скалы.
Когда осень понесла свои плоды,
Снова, снова полетели соколы.

Эх, летели утки-уточки опять.
Над озёрами, над речкой удалой.
Чтобы горюшко-тоску свою унять,
Будет вечер, будет вечер молодой.
Серы утки промчались над водой.

Эх, летели-полетели снегири.
Бело поле, бело поле всё кругом.
Только сени в снег летящий отвори –
Прилетели, прилетели снегири.
В красных фартучках расселись, как смогли.

* * *

Что сказал человек?
Что подумал он, грешный?
С тяжелеющих век
Взгляд и грустный, и нежный.

Он прошёл этот путь –
До родного порога...
Он пришёл отдохнуть.
Ему надо немного.

Горсть родного тепла,
Синевы за окошком.
Да вот речка б текла,
Да цвела бы морошка.

* * *

Бежит, бежит дорожка
По полю вдоль леска.
Здравствуй, моя крошка.
Я тебя искал.

Сколько я калины
Готовил-нарывал,
Пока ты на перине
Витала в облаках.

Ты в домике сермяжном
Ходила взад-вперёд.
Походкою отважной
Смутила весь народ.

Народец оголтелый
Столпился у избы.
И смотрит то и дело,
Случилось что кабы.

Но мы не разминулись,
Зазноба ты моя.
И поутру проснулись,
Опять же – ты и я.

* * *

Эх, по рыхлой земельке босиком бы пройтись.
Но под белым покровом земля.
Мне бы свистнуть скворцу – обернись да вернись.
Но напрасна причуда моя.

Эх, лететь бы под небом моим голубым,
Семицветною радугой стать.
Но от наших печей поднимается дым,
Превращаясь в холодную сталь.

* * *

Иногда одиночество – радость.
Разгорится в печи огонь,
Отогреет душевную малость.
Успокоят снега у окон.

* * *

Давай, поехали, дружок,
На берег милый.
Там вдалеке стоит стожок
Под небом стылым.

Там одиноко и легко
У речки пенной.
И машет флагом далеко
Кораблик смелый.

На косогоре, где дома,
За ними стайки,
Там принимают задарма
И без утайки.

Там мы топориком – тюк-тюк –
Дров понаколем.
И будем жить, как Тюк – Матюк,
Припечно, вволю.

Ты будешь по воду ходить,
Я на охоту.
И будем баньку мы топить
Всяк по субботам.

* * *

В этой нашей горестной юдоли,
Что в морозном воздухе ночном,
Мчались кони, словно ветры в поле.
Кажется, их видел за окном.
Но откуда взяться им, ретивым?..
Вот промчались, канули опять.
Только звёзды расплескались в гривах,
Трудно было что-либо понять.

Может, мне приносит утешенье
Царь ночной, предвестник добрых дел...
Надо бы собрать на угощенье
Всех моих неузнанных друзей.
Пусть они на лавочках присядут
За столом, у моего огня.
Лица их туманами объяты,
И они не узнают меня.

Да и как узнать. Лишь только память
Мимолётных встреч хранит секрет.
Здесь я навсегда остался с вами,
Вы ж – со мной. А может быть, и нет.
Где-то там, в далёком захолустье,
На исходе тёплых, светлых дней,
Добрый друг глаза свои опустит,
Да и вспомнит, может, обо мне.

* * *

Выхожу во двор и наблюдаю
Дым из труб, мороз и ясный день.
Здравствуй, сказка русских деревень –
О тебе тоскую и мечтаю.

Век живи здесь и хрусти снегами.
И смотри – в разлапистых лесах,
Серебро по веткам разбросав,
Дед-мороз поигрывает с нами.

То метель под ручку приведёт
И давай раскачивать макушки.
Там, где прорубь, накатает лёд.
Там, где ель, навешает игрушки.

Всё здесь ладно, всё ласкает взор.
Всё зовёт и радует, и нежит.
От того струится воздух свежий,
От того и светится простор.

* * *

Этот хрустальный день.
Этот лес опушённый,
Инеем окружённый.
Эта небесная звень.

Льётся и слепит глаза.
Хрустнет под снегом ветка.
Здесь птицу увидишь редко,
Всё замерло. Тишина.

Выпорхнет лишь синица,
Шустрая озорница.
И – стукоток в окошко.
Вынесу крошек немножко.

И погляжу на лес
И синеву небес.

* * *

Мне кажется, в этой идиллии
Есть что-то трагическое и печальное.
Мимо всегда проходили.
Жаль, что не замечали.

* * *

Прости. Потом когда-нибудь
В счастливой жизни
За все страдания воздадут.
Ты только свисти,

И вот они уже летят,
Посланцы неба.
Оттуда, где чудесный сад,
Где быль и небыль.

Там всё сияет и в шелках,
Поют и славят.
А что ты думала, ведь так
Случится с нами.

Там золотятся по лесам
Плоды мирские.
И там стекают по усам
Меды людские.

* * *

Небо, где живут облака,
Русское небо.
Я поднимаю сегодня бокал
За наше великое небо.

Там, где раскинулся луг
У кромки реки,
Нашу судьбу берегут
Цветущие васильки

* * *

Дни стоят яркие и морозные,
Так, что светлеют глаза.
Ветры метут серьёзные,
Так, что свистит лоза.

А на буграх, где сосны,
Где притулились дома,
Огни засветятся поздно,
И выйдет луна сама.

И в этой дымчатой тайне
Не растворить нашу грусть.
Деревенька уснёт дворами.
Пусть снится ей санный путь.

* * *

Унылые, печальные поля.
Укатана повозками дорога.
Ещё в стальной прохладе тополя,
Ещё обочин тёплый ветер не трогал.

Но эти дни – предвестники тепла.
Совсем мы по-иному снегом дышим.
И по-иному птичий голос слышим,
Чтоб по-иному речь наша текла.

* * *

Людмиле

Разлетаются васильки.
Отчего же им разлетаться.
Просто кончились сосняки.
И дорога – по полю, братцы.

Придорожные эти цветы,
Ярок цвет их на русской равнине.
Голубее их нет, помнишь ты,
Как по травам – по морю ходили.

Пронеслась золотая искра,
И пыльца оседала под вечер.
И сидели мы до утра,
И казалось, что мир этот вечен.

И что будем мы вместе с тобой,
Никогда, никогда не прощаясь.
И стоит этот цвет голубой,
В васильках поднимаясь.

* * *

От этих заснеженных мест
Теплота пробивалась.
Помню твой лёгкий жест,
Да и улыбка – осталась.

Мы забрали с собой
То, что тогда не сказали.
Жизнь – возвращает домой,
Тянет с чужих вокзалов.

Как ни вращали в дома
Дальних и близких пределов.
Жизнь всё расставит сама.
Скажет, что нужно делать.

* * *

В этой книге тебя ещё нет,
Нет в этой книге.
Разбиваю осеннюю медь,
Надеваю лесные вериги.

* * *

Это тех стариков, сумасбродов и пьяниц,
Вспомнил я.
Был на них несмываемый глянец
Бытия...

МАГАДАН

Хрусталём отливает ночь.
Плюнешь – плевком на лету застывает.
Занесло же меня время в ступе толочь
И душу холодом маять.

* * *

Когда разливается грусть
По полям пеленою белой,
Говорю себе: я вернусь
Сюда, в этот домик серый.

Весной. Когда стает снег
И засвистят скворцы,
Схлынут льдины у рек,
Утихнут ручьи-молодцы.

* * *

Время быстротечно.
Секунда. Проходит жизнь.
Ещё не выслушал речи,
Не рассмотрел чертежи.

* * *

Не записал. И забыл
Ваше имя.
Что-то от птичьих крыл,
Брызгами – мимо.

И холодок – потом.
Долгое время.
Что мне во взгляде том,
Бьющем в темя.

* * *

Знаешь, этот мир опалённый
Солнцем, ветром, дождём,
Будто сединами обелённый,
Будто снегом рождён.

В нём болтаешься, неприкаянный,
Маленький человек.
Тот персонаж узнаваемый,
В прошлый описанный век.

* * *

Лиловые брызги сирени...
Врубель любил этот цвет.
Любил, когда падают тени
На золото и на паркет.

Из синих кружев и пены,
Из музыки красок, мазков
Вставали царевны, Елены,
Тревожные лики из снов.

И только струна натяжная
Грозила порваться потом,
Где-нибудь с красками мая
На синем и золотом.

ВЕСНА

Продёрнет снежок,
Как мысль одиноких окраин.
Забытый стожок
Замрёт от весенних окалин.

И хочется повернуть
Усталый свой взгляд на дорогу.
И основательна суть –
Земля возрождается к сроку.

* * *

Вот и мы начинаем думать
И иначе, и всё скучней.
Заполняются души-трюмы
Только призраками кораблей.

Где же сами они, работяги?
Неужели – на якорях?
Где их прыть, лошадиные тяги?
Растеряли в лихих морях.

Но я верю, что всё обернётся
Смелым выплеском и волной.
И вода сквозь винты польётся
И рубиновой, и седой.

* * *

Ветер несёт по степи
Шарик, из трав слепив.
Значит, настала пора
Листья мести со двора.

Вижу небесные своды,
Птиц и бегущие воды.
Синь. А небес глубина
Будто и мне отдана.

* * *

Лошадь в сосновом лого
Играет на белом снегу.
Рядом – девочки силуэт.
Так живут они много лет –

Лошадь, девочка и снега.
И бежит подо льдом река.
Много, много пройдёт ещё лет,
Но останется силуэт:

Лошадь, девочка и снега.
Больше нет ничего. Слегка
Ляжет грусть. И туман на поля.
И закончится песня моя.

* * *

Скажите мне, синие воды,
Далёкий сияющий лес,
Вам много ли надо свободы
От этих летящих небес?

Вы кровной прикованы цепью
К тяжёлым родным берегам.
Накрыты зелёною сетью
И шепчете что-то векам.

И вы никогда не роптали,
Не буйствовали, не рвались
В какие-то дальние дали,
В какую-то дальнюю высь.

Приветствую ваше терпенье,
Смотрю корневую судьбу.
И вижу – лесов продолженье,
И вижу – воды синеву.

* * *

Ты знаешь, бывает такое –
Сердце щемит, заливают тоска.
Будто тяжесть в себе таскал
Или настигло чьё-то горе...

На солнцепёке сидеть легко,
Веки смежив, закрыв глаза.
А где-то совсем далеко
Видится хор и огромный зал.

И покидают тёмные мысли,
Возвращается прежняя жизнь.
Вот облака – пеленой повисли.
И стало легче душе, кажись.

* * *

Набитая метелью тишина.

В. Брусьянин

И, плотно криками набита,
Лежит ночная тишина.
И небо птицами изрыто.
А где ж дорога? Вот она.

Наверно, многое простится.
А что-то скроет темнота.
Родные лица, только лица...
Вот и уходит маята.

Чтобы увидеть в малом чудо,
В тиши порадуйся судьбе.
Вот ручеёк бежит. Откуда?
Какая разница тебе.

* * *

Только сердцу и только слуху
В этот раз доверяю вполне.
А ещё – только дереву-другу,
Он мне машет ветвями в окне.

И осталось лишь миг: возродиться,
Разбежаться листве по стволу.
И тогда, как зелёная птица,
Ты взлетишь, мой товарищ. К утру

Клейкий запах твоих обновлений,
Лёгкий треск – вот осыпется вниз.
Столько горечи и удивлений.
Всё приемлем как милый каприз.

* * *

Грустно до боли, что всё проходит,
Что так неустойчива эта жизнь.
Плыли вместе на одном пароходе,
Был берег рядом, небесная высь.

И в этом большом пространстве
Плыли наши затерянные миры.
Пылали леса в осеннем убранстве.
Земля уносила свои дары.

* * *

Синее немеющее небо.
Облака курчавятся вдали.
Вечереет. Тонкий запах хлеба
Дым разносит. Что ни говори,
Этот запах многое напмнит.
Как легко вдыхаем мы его.
К нам плывёт усталое село,
Здесь и есть мой уголок укрмный.
Так же на завалинке высокой
Греются под солнцем воробьи.
За запрудой, за густой осокой
Пролетали ярко мои дни.

* * *

Ты сказал мне, что жалеешь женщин.
Как же наших женщин не жалеть.
Здесь, где в мире жалости всё меньше,
Как же русских женщин не жалеть.

Вот они блистающей походкой
В нашу жизнь нелёгкую вошли.
Вот они с улыбкой детской, кроткой,
Провожали нас в былые дни.

Женщины, седеющие пряди.
Многие печали скрыты в них.
Многое по жизни сделал ради,
Ради этих прядей золотых.

* * *

Всё так же накрапывал дождь.
Всё так же листва волновалась.
Я был здесь как радостный гость,
Но грустью подёрнутый малость.

Я шёл на исходе дождя,
На грани и света, и тени.
И этих деревьев смятенье
Слегка задевало меня.

ОСЕНЬ

Открывается что-то незримое.
Опадает листва во дворе.
И восходит неповторимое,
Уязвимое в этой поре.

* * *

Отрешённый человек,
Анатолий Григорьевич.
На лошадке бек-бек-бек...
Жизнь, она – не сволочь.

Здравствуй, милая моя,
Золота сторонка.
Травы льются, зелены,
Тонко, бойко, звонко.

В этом поле твой отец
Столько сена скашивал.
Да и сам ты, молодец,
Здесь живёшь по-нашему.

Встанешь утречком. Угу,
Выгонишь коровку.
Не согнёшь тебя в дугу,
Ты по жизни ловкий.

* * *

Что же там за журчанье?
Да это плачет ручей.
Кажется, от отчаянья?
И – от осенних ночей.

Может быть, лист тяжёлый
Тревожит водную гладь.
И морозящий, скорый
Дождик, листу под стать.

Сумрачный наш денёчек,
Серенький, лей да лей.
Сколько холодных ночек,
Сколько – седых полей.

* * *

Ещё нет их – метелей.
Нет и белых постелей.
Да и что, в самом деле,
Нам об этом жалеть.

Просто жёлтые листья
Вьются хвостиком лисьим.
Вот и носятся мысли.
Никуда их не деть.

* * *

На душе от пенья петуха,
Утреннего пения горластого,
Так тепло. Так мчатся облака
Весело, размеренно, распластанно.

Здравствуй, время маленьких утех.
Подышу, пройду по белу инею.
У дворов соседних, там, у тех,
Где денёк поднялся лентой синею.

* * *

Кабанка, Полянка.
Дорога – на Уральск.
Поёт, поёт тальянка.
Несутся ноги в пляс.

Несутся до околицы,
До тропки полевой.
До девушки, до горлицы,
Красавицы такой.

И так она забрезжится,
Судьбина – вот была.
Засветится, занежится,
Как дымка у села.

И так она завьюжится,
Закрутит, засвистит,
Да подморозит лужицы,
Да снегом угостит.

В ДОРОГЕ

Какая-то крупная птица
Слетала с сосны на сосну.
Какие-то странные лица
Неслись в снеговую волну.

Держись, берегись. У обочин
Не спят верстовые столбы.
От холода зверь захохочет.
Запляшет метель. Ну а вы

Что нынче опять приуныли?
Несёт нас в темнеющий лес,
Где детские сказки и были,
Где нет замутнённых небес.

* * *

Золотая пора листопада.
И опять, и опять, и опять.
Ты такому событию не рада.
В этот раз мне тебя не понять.

Но вот тянет небесная сила,
Пригибает древесную даль.
Чтоб по миру опять нас носило.
Только листья летящие жаль.

Красота их всегда мимолётна,
Почернеют под снегом они.
Но сейчас, в это время полёта,
Они скрасят погожие дни.

Они тронут продрогшее сердце
Блеском золота в синеве.
Никуда от себя нам не деться,
Мы – как листья сейчас на траве.

* * *

И чего тут такого,
В этой грусти земной.
Снег ложится толково,
Вот летит надо мной.

Всё опять повторится –
Холод, серые дни.
Но родней станут лица
Здесь – на пике зимы.

Нам бы жить как-то проще –
Вот как летом – стрижи
Или – кустик у рощи,
Что под ветром дрожит.

Ему, бедному, больно,
Снег – уже по колено.
Но ведь дышится вольно.
Вот и ждёт перемены.

* * *

Где ещё придут, в какие веки
На постой заветные огни.
Спит деревня, притомились реки.
Под снегами плотными они.

Им, наверно, многое приснится,
Закатилось солнце, как пятак.
Приутихли, присмирели птицы.
Посидим, подумаем, коль так.

* * *

Что же ты говоришь, говоришь.
Что-то, наверное, важное.
А я витаю далёко, вишь...
Ты продолжай, отважная.

В море слов легко утонуть,
Легко затеряться в их частоколе.
Жить ощущеньями как-нибудь
Сложнее того, что глаголем.

Всё же давай помолчим...
Может, не к месту и мысли.
В Каунасе, помнишь, грачи
На проводах нависли.

Помнишь, бродили тогда
Мы у Девятого форта.
Стыли слова. И вода
Была густым аккордом...

Видишь – лист прилепился,
Под ветерком – алеет.
Где-нибудь в Саласпилсе
Ему тревожнее на аллеях.

Сомнут дождевики-стрекозы
Лист на краю Майданека.
Там давно затвердели слёзы,
Сгнили следы охранников.

* * *

Валерию Сердюку

Красивый идёт человек,
Идёт человек мне навстречу.
Лукав его взгляд из-под век,
Здравствуй, скажу, человече.

Вот и сошлись на виду
Белых берёз и снега.
Как в стародавнем году,
Встретились два человека.

Встретились, разошлись.
Несли за плечами судьбину.
Вышла такой эта жисьь.
Какой ни была бы – любима.

Какой ни была бы – одна.
Дана нам под честное слово.
Как сквозь стекло, вся видна,
И вот – начинается снова.

* * *

Полозья скрипят у реки.
Летит столбовая дорога.
Скрывает метель сосняки.
Сугробы, сугробы, сугробы.

Осыпался сказочный лес
Морозной крупой на дороге.
Несётся и кружится бес.
Ты, бес, нас сегодня не трогай.

Вдали кутерьма, кутерьма.
И выдох, и вдох – всё едино.
На родине нынче зима.
Такая сегодня картина.

На родине нынче краса.
Какой не найдёшь на чужбине.
Несут серебро небеса.
Так было всегда. И – отныне.

ДЕТСТВО

Не знаю, было – не было,
Но помнится одно –
Так много света белого
Светило мне в окно.

Распахнуто соседям,
Распахнуто полям –
Окно и всё на свете
Мне скажут: мир упрямя

Стремлением излиться
Пригоршнями добра,
Стремлением светиться,
Как солнышко с утра.

* * *

Уже как будто к ночи,
И ветер приутих.
А бабушка хлопочет,
Смахнув платок на миг.

А бабушка судачит –
Простые всё слова.
Но они много значат,
Как для тепла дрова.

И в этом воркованье
Уснуть легко, легко.
В волшебном одеянье
Волшебное окно.

* * *

Я засыпаю под стук дождя
По мокрой железной крыше.
То сильнее, то снова тише
Слышу тревожный стук дождя.

Потому монотонна грусть,
Бесконечна в моём притворе.
Словно лодочка в синем море
Уплывает, плывёт. И пусть.
Как легко ей в этом просторе!

* * *

Оживает моя деревня.
Всюду, всюду – столбы-дымы.
Я несусь к себе дров беремья,
И скрипят по снежку пимы.

Это время пришло,
Хрусталём покрывается лес.
В лодке с лунным веслом
Уплывает в поля небосклон.
Видно, мало ему этих мест.

Как сверкает пространство,
Далёкие зимние звёзды.
Елей, сосен убранство.
Шапки снега, сорочки гнёзда.

Где-то дятел стучит,
Гулко сосен безмолвие...

* * *

Жили верой, надеждой, любовью
Люди малых, больших деревень.
Только вера замешана кровью,
А надеждой увешан плетень.

А любовь превратилась на муку
В разбитную, гулящую мать.
Вот и ходим, и ходим по кругу,
Там, где счастья никак не поймать.

* * *

Уже слетают колокольцы
С цветов воздушных, полевых.
Но крепко встали у околицы
Деревья в кронах боевых.

Ничто ещё не предвещает
Паденье летних грёз и тем.
Ещё привольно молочаю,
И мы довольствуемся тем.

Ещё так хочется прославить
Себя у свежести лесной.
Ещё так хочется лукавить
С тобой, с травинкою резной.

* * *

Над долиной погасли огни,
Возвратились стада с кочевий.
Как мне радостно в эти дни
Угасанье костров вечерних.

И осенний мужской разговор,
Как горящий без дыма хворост.
И огромный ухоженный двор,
И почтенный хозяйки возраст.

Диво дивное – эти луга,
Холодок и тепла остаток.
А вдоль гор ходит месяц-слуга.
Его путь и далёк, и краток.

* * *

Там, за белёсой стеной,
Ветры склоняют ветки.
Там мы жили с тобой,
Сорванцы, малолетки.

Ритмы самой природы
Главными были для нас.
В озере, в речке – с ходу
Солнце встречало нас.

Поле, согра, долина
(С ними легко и прекрасно)
Многое в нас изменили.
И было всё не напрасно.

Вот и сейчас летят
Тех дней золотые спицы.
Помню ватаги ребят,
Улицу, дом и лица.

Помню простой сюжет:
Велик, удочки, лодка.
Многих теперь уж нет.
В сенях пылится пилотка.

* * *

Присядем. Слова уже сказаны.
Стоят холода за окном.
И там, за могучими вязами,
Метели лихие привязаны.
Они полетят к нам потом.

А за холодным простором
Есть голубая страна.
Есть девушки с ласковым взором
И смехом журчащим, весёлым,
Как лето, как юность сама.

О, мир мой, омытый снегами,
Нам здесь с тобой править и жить.
Дорога скрипит под ногами,
Мы время измерим шагами
И усмирим свою прыть.

ВОСПОМИНАНИЕ

Было это метелью
На огромных полях.
Было белой постелью
На цветущих морях.

Это звонкая нота.
Это чья-то печаль.
Это миг до восхода
Или чей-то причал.

Это капля рябины
На снегу, на ветру.
Это день – очень длинный.
И туман поутру.

* * *

Времени не помню. Нет, не помню.
Помню только ветра холодок.
Да клонился тихо к изголовью
Да летел по воздуху дымок.

Это чудо летнее природы.
Белые мелькают облака.
Кажется, не видел это сроду,
Кажется, что будет так всегда.

* * *

Н. И.

Ситцевые – платье и платочек.
Ветер их взметнёт, как паруса.
За ушком игривый завиточек,
И глядят смородины-глаза.

Всё здесь есть – от пламени и неба.
От озёрной стылой глубины.
Оживает быль, уходит небыль.
Лунный диск. Предчувствие вины.

Это – как явление картины,
Той. Её дожждаться ты не мог.
Это – как по жизни твоей длинной
Вдруг ударил переменный ток.

У ЗАВЕТНОГО
КАМНЯ

* * *

Этот дом дышит хлебом родным
И пристанищем. Милым, последним.
Здесь возвращённые мною сады
Под присмотром цветут многолетним...

Дай мне, Боже, вот так и прожить,
Никуда не лететь на красивые блёстки.
Жить, как здесь поживают стрижи,
Как живут здесь «кукушкины слёзки».

* * *

*Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить...*

Дельвиг

Блок перед смертью слышать перестал.
Так он сказал – «Я ничего не слышу».
На Офицерской, где-то у моста,
Промчался экипаж. В углу шуршали мыши.

Блок ничего не слышал. И молчал.
Любови Дмитриевны шаги за занавеской
Украдкой шли. Их он ощущал
Как свет в окне, болезненный и резкий.

Покоя нет. Покой нам только снится.
На поле Куликовом ляжет тьма.
О Русь, как тяжела твоя десница,
Как неприветлива порой и ты сама.

Певец пронзительный, тревожный,
Никто так не любил тебя, как он.
И вот в порыве невозможном
Ты бросила его. А может, это сон?

И вот он встанет, сбросив смертный хлам.
Увидит птиц, раскинув настезь шторы,
И он услышит, как его стихам
Созвучны русские просторы.

* * *

Когда струится дождь,
Деревья плачут.
Мне кто-то скажет: «Что ж,
Нельзя иначе».

Бегут потоки слёз
И очищают.
Под этим ливнем рос
И я. В начале

Был виден белый свет
И жемчуг капель.
Теперь того уж нет.
На белый кафель

Сойдёт оконный свет
И обозначит –
И здесь покоя нет...
Деревья плачут.

* * *

Не храни в себе свои обиды,
Жизнь всё перемелет, перетрёт.
Что казалось беспощадным с виду,
Тихо канет в Лету и уйдёт.

* * *

И шаль не по моде одета,
И сжатые губы твои.
И знать бы, что эти приметы
Нас свяжут на долгие дни.

И знать бы, что долгие годы
Нам мыкаться не надоест.
Тогда от суровой природы,
От этих суровых мест

Мы взяли терпения много,
Уживчивость. И всегда,
Наверное, оберегала строго
Нас изменчивая судьба.

* * *

Есть ещё океан...

А. Блок

Дождь моросит по всей округе,
По всей округе маета.
Так льют невидимые руки,
Течёт вселенская вода.

Ты помнишь: отрок одинокий,
Я жил в палатке под дождём
В лесах, в горах, в стране далёкой.
Мне говорили: «Подождем,

Вот-вот нам радостью раскрасят
Полынный берег и закат.
И поведёт нас русский классик,
И будет каждый жизни рад».

Да будет свет в конце тоннеля,
Пробьются звонкие ручьи.
По слову щучьему Емеля
Здесь будет править. «Вы чьи?» –

Он спросит нас. И удивится,
Что мы из времени того,
Где вроде б лучше удавиться.
А мы живём. И ничего.

* * *

Ужели этот край – ни зги, ни зги не видно.
Падение колонн, падение времён.
Ужели это мы здесь жили жизнью сытной.
И ткали и плели тот кровеносный лён.

* * *

Дайте неба мне – синего и дорогого,
Где дорога под шагом шуршит.
Дайте хлеба, как милость, простого
На последние наши гроши.

Наша бедность – светила и грела,
Была сеятелем добра.
Она песни народные пела,
Все душевные силы собрав.

Наша бедность – счастливое время,
Я бегу босиком по полям.
Собираю соломы беремья
И несущу, всё на свете обняв.

* * *

Всё проходит, ребята.
Но ни свет ни заря,
Первым светом объята,
Нитью, росчерком злата
Ходит радость моя.

* * *

Что же вам сказать.
Вот и уходит осень.
Горят её глаза,
Желтеют между сосен.

И юркие чирки
Скользят по водной глади.
Скользят, как моряки
На праздничном параде.

* * *

Другу

Наверно, мы становимся другими.
Ты прыть свою немножечко умерь.
Вот имена, что были дорогими... –
Куда ушли, в какую скрылись дверь?

Не знаем и не ведаем, откуда
Приходит и печаль, и пустота.
И день, и час дробятся на минуты.
И веером уходят кто куда.

Но тешат сердце милые приметы.
Калёная рябина – за окном.
Снега взлетают, горбятся от света,
Есть время, мы подумаем о том.

О том, что всё проходит. Остаётся
Лишь ощущение горя и тепла.
И лишь косынка бабушкина вьётся,
И лишь душа не выжжена дотла.

И что же, что же скажешь на прощанье,
Мой друг, так много нам дано.
И этот день, и, может быть, – молчанье,
Когда скрипит, бежит веретено.

* * *

Псковитянка улыбалась мне с экрана.
Ей хотелось что-то мне сказать.
В блеске копий, в пелене тумана –
Воинов тяжёлые глаза.

Что ж, твоя улыбка много значит
Перед битвой, сечей мировой,
Перед стоном, материнским плачем.
Перед тем, как встретимся с тобой.

* * *

Не понял я твоей печали.
И пенье птицы за рекой
Давно уже не означает,
Что ты со мной, а я с тобой.

Такое лёгкое дыханье,
На листьях иней в сентябре.
Какое тихое прощанье,
Так эхо тает вдалеке.

ЗИМА В ТОБОЛЬСКЕ

Аркадию Елфимову

Пар морозный над твоей столицей,
Храмов бесконечные глаза.
Ах, Аркадий, мне бы здесь родиться.
Град родной, родные всюду лица.
И Святых Тобольских образа.

Растворился я в твоих просторах.
Мудрых зодчих слышу голоса.
Белый лебедь светлого собора
Плыл и плыл куда-то в небеса.

Глянут изумлённые народы
На деянья пращуров твоих.
Спросят: вы откуда, кто вы, кто вы,
В одеяньях – ризах золотых.

Зычными победными речами
Отгремел Ермак в твоём краю.
Эти речи много означали.
Я об этом песнь свою пою.

Ремизов, служивый человеке,
Зачинатель многих славных дел.
Вот и он взвалил себе на плечи
Груз великий. Как же он сумел

Пушки лить, получше европейских,
Строить Кремль, измерить всю Сибирь!?

.....

Ветер здесь колючий, зимний, резкий,
Но растёт Тобольск и вверх, и вширь.

* * *

Аркадию Елфимову

Поклонюсь Тобольскому кремлю,
У Софии преклоню колени.
Даль веков, великих предков тени –
Овевают голову мою.

Ветер пронесётся надо мной.
И платком окутает полынным.
С Иртыша – прохлада, с Мыса – зной.
Так подышим воздухом былинным.

Так возьмёмся, вёслами гремя.
Разве есть важнее нынче дела.
Из огня да снова в полымя,
Хоть дружина сильно поредела.

Крепка сабля да страшны пищали.
Бронзой отливает гладь реки...

Вольности и славы обещали.
Но деянья наши – велики.

* * *

До зимы ещё далеко...
Хрустнет ветка, засветится лучик.
Ещё дышится так легко,
Ещё носятся белые тучи.

И какой-то отшельник-рыбак
Затаился за мысом в тумане.
Ещё хочется, просто так,
Покататься на аэроплане.

Распластаться крылом над тобой,
Золотая моя равнина.
Сколько света, любви, боже мой,
В бесконечности этой былинной.

ОКРАИНА

Юрию Перминову

Любинская, Заезжая...
Там, где друзья живут.
Улиц примета прежняя –
Лица родные тут.

И заскользил у кромочки
Сухонький старичок.
И прошагал по досточке
Мальчик – смычок – сверчок.

Бьётся в оконную раму
Рябины краснеющей ветвь,
До горизонта самого –
Листьев ложится медь...

Благо твоим окраинам,
Благо твоим дворам.
Благо – укромным, тайным,
Скрытым от глаз дарам.

* * *

Что за чертою будущих дней
Светит нам или греет...
Кажется, становлюсь добрей.
Но что-то всё крутит и реет

Над головой. Метёт канитель,
Кружит, вертит морока.
Тревожно шумит моя ель
Во дворе, недалёко.

Этот зелёный мотив
Я слушаю много лет.
Снега очистив и укротив,
Всё ярче небесный свет.

* * *

В этом городе древнем
Неуютно стало слегка.
Пора мне, пора в деревню,
К моим снегам, к моим берегам.

Прижимает всё больше к земле,
Ветер вольный задует из леса.
Хочется пошуровать в печной золе,
Завести собаку, качалку-кресло.

Собака поймёт все мои тревоги,
Глянет, умным сверкнёт зрачком.
Учуёт чужого в ночи на дороге.
Цепь рванёт, крутанёт волчком.

* * *

Всё проверено много раз,
Золотою не быть середине.
Друг уехал вчера на Кавказ.
Его женщина плачет в Медыни.

Что ж, ей плакать, как встарь. Не вина,
Что историю двигать по кругу
Научились. Но всё-таки плачет она,
На тоску, на беду, на разлуку.

Небо сеет белёсой крупой.
На окраины ветер слетает.
И утюжит морозец прибрежный покой,
И снега завивает цветами.

Залетает созвездий мираж,
И скользит по бескрайнему полю.
Этот мир так устроен, но всё-таки наш.
Знать, нести до конца его долю.

И опять же, как встарь, на ветру
Будет женщина плакать от горя.
Этот миф, этот плач на миру
Будет даль волновать, словно море.

* * *

Великое горе России,
Тот свет, тот рассвет, эта тьма...
То пыль золотую носили,
То небо сводили с ума.

* * *

В этом доме тягучая старость
Оседает, как пыль по стене.
Но в глазах ещё теплится радость,
Как осенний букет на окне.

Одиночество страшной печатью
Залегло глубоко в бороздах
Этих лиц. И кричать бы, кричать бы,
Но – кому? И – зачем? Просто так?

* * *

Взгляд виноватый, почти собачий,
Срежет, что-то в душе замутит.
Так, что застынешь на этом пути
От боли почти кричащей.

* * *

Белыми одеждами
Озеро покрылось.
Жить теперь надеждами.
Ждать тепла и милость.

Улетели уточки,
Их теперь не сыщешь.
Побелели улочки,
Только ветер свищет.

* * *

Вот так, в преддверии зимы,
На искончанье лета –
Возьму от этой кутерьмы
Чудесные приметы.

Возьму метания листвы,
Холодный проблеск лужи.
И замирание травы,
И первый натиск стужи.

* * *

Когда тяжело, беспокойно,
Кажется, остановилось время.
Не то чтобы было больно.
Не хватает воздуха всё время.

Там где-то засела заноза,
Темно, в глазах пелена.
Может быть – дому угроза,
Может быть – погибает страна.

Так чуяли наши предки...
Беда из-за перевала
Приходит смертельной меткой
С мифами Калевалы.

* * *

Владимиру Крюкову

Может, в созвездии дальнем
Таилась глухая тоска.
Когда-то я был беспечальным,
И радостным, и отчаянным.
И ветер свистел у виска.

Вот так развернулась, накрыла,
Пошла полоса. Пронеслось.
И то, что казалось так мило,
Тревогой вселенскою смыло.
Качнулась сердечная ось.

И всё в этом мире огромном
Вдруг стало неясным, чужим.
В берёзовой роще заломы,
Бурьяном поросшие склоны.
Как будто я здесь и не жил.

* * *

Синие, синие ночи.
Белые, белые дни.
Что моя милая хочет,
Вот и остались одни.

Что моя милая знает,
Ласки твои не сберёг.
У деревенских окраин
Стынет забытый стог.

Всё ему одиноко
Там, где примята трава.
Речка была так глубока.
Так высока синева.

* * *

В лесу упаду на колени
В сырую траву и листву.
А птиц пролетающих тени
В свинцовое небо зовут.

А запахи прели осенней
Сильнее, чем ближе отлёт.
И нет уже птичьих веселий,
А есть лишь холодный расчёт.

А есть лишь зовущие дали,
И в стаи сбивает тоска.
Хоть многое мы повидали,
Но ждут нас родные места.

* * *

Тишина сменяет тишину...
Ветер, лёгкий ветер, шорох листьев.
Я возьму себе твою вину,
Боль рассыплю, заморожу мысли.

Это на окончание пути...
Твердости ты мне не завещала.
Нам осталось по земле пройти
И махнуть друг другу на прощанье.

СВЕТОМ
РОДНЫМ

* * *

Дождь, очищая пространство,
Тихо омоет душу.
Осени поздней убранство
Вновь приближает стужу.

А пока – растекаясь
Разводами по стеклу,
И бесконечно маясь,
Мне передаст маяту.

Дождь пеленою серой,
Может быть, растворит
В сердце остаток серы,
Который болит, болит.

ПЕСНЬ РЫБАКА

Бесконечна даль,
Ни дна, ни берега.
А туман, что шаль,
Цвета белого.

И плывёт баркас,
Полный рыбою.
Не теряйте нас,
Мы не выбыли.

Нас несёт сейчас
Море синее.
И не видно глаз,
Они в инее.

Нет и счастья нам,
Бедным олухам.
И несёт волна,
Да всё волоком.

Но на том мысу,
Да на родненьком,
Я найду красу
В платье модненьком.

Будем жить с красой
Припеваючи.
И ходить росой
Всё играючи.

* * *

Охота к перемене мест
Весной всё явственней и жгуче.
Подобие звезды падучей –
Лечу, не видя, что окрест.

Пора уже остановиться
И крепко встать в родном краю.
Но тянет, тянет, словно птицу,
Куда-то душеньку мою.

* * *

Жизни всегда мало,
Чтоб наконец прозреть:
То, что делал упрямо,
Не стоило бы – и на треть.

Только потом приходит,
Будто издалека –
Это не сделал вроде,
А то отложил на пока.

Самые лучшие люди –
Дети и старики.
Ты их жалел, голубил
Холоду вопреки!?

Много ль приветил страждущих,
Сирых, убогих, больных?
И успокоил жаждущих?
И удостоил иных?

* * *

Не спугните музыку. Не надо.
Все устали от пустых речей.
Эти листья сыплет за оградой
Вольный ветер, вечный казначей.

Отдохните на лесной опушке,
Пригубите вечности глоток.
Посидите у лесной избушки,
Там, где веет вещей холодок.

* * *

Как-то всё больше тянет к земле,
К запахам прелой листвы.
Хочется картошку испечь в золе,
Быть поклонником у травы.

Хочется в небо поднять глаза,
Чтобы синь затекала в них...
Не верь тому, кто тебе сказал,
Что нет лесов голубых.

* * *

Всё проходит. Вот и лето – тоже
Отзвенит, отплачет, отгорит.
Будем потихонечку итожить,
Что успели, что ещё – вдали.

Всё проходит. Что-то остаётся.
Может быть – тот шелест тополей.
Он то серебрится, то смеётся,
Дымкой поднимается с полей.

И, как раньше, в поле лебедином
Взмлет вверх и облаком замрёт,
Станет вестью, утреннею льдинкой,
Ускользнёт, как ранний самолёт.

* * *

Придёт беда, тогда осознаём
Родных краёв пронзительную близость.
Когда темнеет жизни водоём,
Здесь каждый взгляд – подарок или милость.

Давно ли убегали от дождя,
Сейчас готовы наслаждаться ливнем.
И только здесь приветливей заря,
И только здесь тебя услышат. Крикни.

Здесь эхо мимолётное живёт,
От детских лет до старости, до гроба.
Здесь мы когда-то собрались в полёт,
Но возвратились. «Погодим немного», –

Сказали. И остались навсегда,
Чтобы сберечь тепло родного дома.
Не сберегли. Рассыпались тогда,
Как сыплется под ветрами солома.

* * *

Эти белые строки,
Эти чёрные дни...
Я стою – одинокий,
Без тебя, без родни.

И всё было б иначе,
Если заново жить.
Если заново начать
С этим миром дружить.

Но не видно дороги...
Как судьбу не вини,
Лягут белые строки
В эти чёрные дни.

* * *

Вот она, небывалая,
Бессмертная тишина.
Даже тростинка малая
Затихла совсем одна.

Не зашуршит от ветра
Трава на исходе дня.
На многие километры
Белеет от снега стерня.

* * *

От казацкой острой шашки
До святых колоколов
В Прииртышье ветер машет,
Ветер машет будь здоров.

Что помашет, что расскажет
В бесконечности людской –
Холодеет сердце даже,
Холодеет мир мирской.

* * *

Отнесись к беде,
Как к приобретению нового опыта.
В холодной воде
Листьев не слышно ропота.

Снегом посыпано,
Как сединой, лицо земли неустанной.
Берёзами, липами
Очерчены пути наши санные.

* * *

Всё что осталось – утраты.
Но надо пройти этот путь.
Друзья мои, как солдаты,
Уходят. Уже не вернуть.

Их строй всё редееет, редееет.
Успеют махнуть. И – пока.
Оставшиеся идеи,
Бегущие облака.

Не всё уходящее сгинет.
Останется на века –
Тонкий словесный иней
В книгах и облаках.

* * *

Как неуёмна эта жизнь,
Как велики её пределы.
Но нам завещано – держись,
Там, где своим ты занят делом.

Куда б теперь не понесло
Под холод, завыванье вьюги,
Тебя удержит ремесло,
Которым напитались руки.

Так крепко прикипел топор
Под взмахом плотницким у деда,
Что мне он виден до сих пор,
Мой дед, он времени приметя.

Вот он в деревне строит дом,
И хлеб выращивает с братом.
Я видел их в лугах потом,
Как будто с ними был когда-то.

* * *

Встречает нас гортанной речью,
Бурлит сквозь вечность Хамсара.
Рекой наш путь, мой друг, отмечен,
Она зовёт нас. Нам – пора.

Пора в тайгу, на перевалы,
Пора в палатку от дождя,
Когда нас греет лучик малый.
От костерка, от камелька.

Ах, эта звонкая водица,
Как эта терпкость холодна.
Да эта жизнь. Ещё приснится.
Ещё привидится она.

* * *

Когда же это было, боже.
Полвека минуло уже.
Вот этот холмик мной исхожен,
И Дом стоит настороже.

По этим склонам, было дело,
Я землянику собирал.
И ночь смородиною спелой
Нас провожала на вокзал.

Мы разбежались. И не стало
Ни земляники, ни полей.
И смотрит бабушка устало
На непутёвых сыновей.

* * *

Я себя там не узнаю,
Мне не узнать себя.
Как будто в чужом краю
Хватил холодного октября.

Как будто уже совсем
Уходят дни и печали.
Уже приходит во сне
То, о чём мы молчали.

* * *

Прав, конечно, Валентин Распутин,
А Астафьев был тогда не прав.
Разошлись писатели. Распутье.
Горьких слов друг другу не сказав.

Может, это старость и затмение,
Но сегодня ясно нам одно:
У России тот писатель – гений,
Кто с Россией, с болью, заодно.

* * *

Александрю Казаркину

Лечить нас надо тишиной.
От громких слов завяли уши.
Давай присядем. Ты послушай,
Как тихо над родной страной.

И в этот час, и в это утро
Хрустальной будет тишина.
Вся в бесконечности она.
Ты поступаешь очень мудро,

Что здесь в обнимку с тишиной
Проводишь время долго, трудно.
Тебя несёт ночное судно –
Туда, туда, где мир иной.

Где нет ни скрежета, ни стука,
Ни лозунгов и ни речей.
Там тебя встретит книгочей
Чуть свет – товарища и друга.

* * *

Один человек сказал: «Дураки!».
И они назавтра вдруг стали умными.
Такие дела, мужики.
Такая жизнь под знаками лунными.

Если луна ушла на покой,
Дерзкие землю пашут.
Если в стране раздаётся вой,
Посылай далёко страну нашу.

Но это ещё не совсем беда.
Ведь Крым вернулся в Россию.
Вернулся. И что. Что тогда?!
Будем приветствовать мессию?..

Ему простятся все грехи
За Крым, за Донбасс, за Россию.
Но будут кричать мудаки
Назавтра: «Долой мессию!».

НА ВАСЮГАНЕ

Это место дышит вечностью.
Дышит далью и тоской.
Ляжет болью и сердечностью,
Растревожит твой покой.

Понесут стальные крылья
Пароходом, катером
От вселенского унынья,
И к отцу, и к матери.

Здесь у края – жизнь болот,
Комары – как звери.
Лай собаки у ворот,
И открыты двери.

Всяк здесь может в дом войти,
Всякого приветят.
Сколько встретишь на пути –
Всё твои соседи.

Перемешан мир. И знак
Дан нам свыше. Вскоре
Будет – небо, сгинет мрак.
И исчезнет горе.

* * *

Василию Казанцеву

Поэт не знал конца и срока
Своим мечтаньям и словам.
Бежала жизнь – строга и строго.
Бежала выше, выше. Там.

А здесь колеблилось свечение
Осенних листьев, птицы крик.
И вот оно пришло – мученье,
Мученье, ставшее на миг

Итогом жизни и свободы
От дел мирских, от прежних дел.
И, растворённое в природе,
Сознание – это ль мой удел?

* * *

Озеро нахмурилось. Родное.
Листьями покрылось. Вдалеке
Чертят утки полотно стальное,
А потом срываются к реке.

Здесь они зимуют. Им несладко
В холоде, в проталинах речных.
Многое неладно и не гладко
Здесь у них. Но нет путей иных.

* * *

Андрею Груздеву

Поедем в пятницу в Володино.
Подышим воздухом полей.
И ощутим дыханье родины.
Дыханье родины твоей.

А это нужно нам порою,
Как стих, как музыка твоя.
Я полюбил, друзья, не скрою,
Бывать здесь. Да не только я.

Здесь на невиданных полянах,
Как в сказке, тысячи цветов.
И воздух чистый, воздух пряный...
Хозяин встретит. Будь готов.

Покажет поле, грядки лука,
Достанет квас из погребка.
И улетит куда-то скука,
И улетучится тоска.

А это всё на сердце ляжет,
И прикипит на долгий срок.
И как-то легче станет даже
В преддверье будущих дорог.

* * *

На Белом озере оркестр
Играл «Прощание славянки».
И не было на лавках места,
И утихали перебранки.

И летний тот кинотеатр,
И скрип дощатый за спиной...
Меня преследуют утраты.
Утраты жизни золотой.

* * *

О чём я говорил?
О чём я думал?
Всё скроется в дали,
Печальный сумрак.

И эти времена.
И эти сроки.
Стирают имена
И мир далёкий.

* * *

Белый бархат и тополя,
Белый пушистый бархат.
Я вышел сегодня сюда не зря,
Пройтись по аллеям парка.

Меня овекает и сторожит
Великая тайна эта.
Мелькают снежинки, словно стрижи,
Не видно белого света.

* * *

В эти дни мы подолгу молчали.
Как мучительны были те дни.
Они стали как вестник печали,
Той, которая горю сродни.

Неизвестно, что нас ожидает
На далёком, казалось, пути.
И какие тревожные дали
Нам придётся по миру пройти.

Может, это и будет итогом
Бесконечных обид и утрат.
А хотелось поведать о многом,
Лишь потом оглянуться назад.

* * *

Кажется, я растворяюсь в тебе.
В твоих волосах, в морщинах.
Надо быть благодарным судьбе
За то, что не растащила,

Не размыла, не унесла в кульке,
Не бросила нас на дороге.
Мы стали единой волной в реке,
Единым всплеском. Таким же строгим

Был день и вечер, и было утро.
И глас закатный, и глас рассветный.
И было море дыханьем мудрым.
И лист шершавый и неприметный.

* * *

В какие ещё долины
Меня занесёт впотьмах.
Здесь ночи такие длинные,
Черны, как осенний страх.

Темны магаданские ночи.
А воздух – что горный хрусталь.
И всё, что сейчас захочешь –
Тепла. Как когда-то встарь,

Горели костры по окраинам.
В ярангах, в землянках, в чумах
Сидели, судьбой израненные,
Будущие Кучумы.

Привет вам, хрустальные ночи,
Суровые слитки лиц.
Я вижу здесь вас воочию
Средь многих лесных небылиц.

* * *

Какие-то странные тени
В коростах и карстовых ямах.
И монотонны метели,
Как песни Омара Хайяма...

Да здравствует жаркая Азия,
И смертный полёт сайгаков!
Мы степи эти излазили,
Полные многих страхов.

Такыры – застывшие блюда –
Сменяют песок барханов.
А ветры колючие бьются
В растресканные стаканы.

А рядом солёное море
Лизнёт берега Мангышлака.
Исчезнут куда-то вскоре
Ночные стада сайгаков.

* * *

Весна. Ей не надо напутствий.
Она заживёт. А потом –
С надеждой, восторгом и грустью
Исчезнет в венце золотом.

* * *

Большие прозрачные листья,
Осенние листья летят.
Всё просто – без споров и мистик
Осенние листья летят.

И, их провожая глазами,
Нам многое не понять,
Кочует под небесами
Зовущая звонкая рать.

Кочует и сыплет листьями,
Ложится. И, медью звеня,
На кладбище, за крестами,
Осинник глядит на меня.

* * *

Человек одинокий в лодке
В бескрайнем туманном просторе.
И он, изумлённый и кроткий,
Хотел переплыть своё горе.

Хотел надышаться туманом,
И раствориться вдали.
Хотел оживить обманом
Застывшие очи свои.

Вперёд, одинокий путник!
Пусть синь заливаает глаза.
А море – твой вечный спутник.
А небо – твои образа.

* * *

Вороны сбиваются в стаи.
До снега – недалеко.
На Родине – мудрость простая.
И ей надышаться легко.

На Родине. Что ещё надо?!
Засыплет листва всё вокруг.
Душа оживает в прохладе,
В осенней прохладе, мой друг.

И видится – всё ещё будет:
И снег одинокий, и дождь,
Холодные снежные бури,
Которые не переждёшь.

* * *

Лес наступает. Но могилы не тронуты.
На кладбище зарослей нет.
Листья на тропках – осеннего золота
Старый и новый завет.

РОДНУШКА

Родная, Родина, родимый –
Какие русские слова!
Души огонь неукротимый.
Природа-мать. Она права.

Мы вышли из полей широких,
Из рек лесных, из глубины.
Но наши радужные строки
Несут в себе огонь вины.

Огонь вины неугасимый
Пред этим гибнувшим селом,
Пред этим домом некрасивым,
Который бросили на слом.

И то, что песнею зовётся,
И то, что ранит нас навек,
В простых наречьях отзовется.
И этим счастлив человек.

* * *

Как тихо под небом осенним.
Как тихо на тропках лесных.
И наши прозрачные тени
Живут в одеяньях простых.

Мы любим дожди и ненастье,
И серый налёт тишины.
И вечер короткого счастья,
Когда наши души полны

Свеченьем ушедшего лета,
Свеченьем пришедших дождей.
Нам где-то воздастся за это,
За радость осенних затей.

ЗЕМЛЯ

В безбрежности простой и милой
Всё укрывает белый свет.
Снега лежат могучей силой,
И больше нет других примет.

Под холодеющим покровом
Земле привольно и тепло.
И в истине, как в слове новом,
Судьба прозрачна, как стекло.

Земля устала от обманов,
И вот – придавлена, лежит.
Она залижет свои раны
И станет крепкой, как гранит.

Её теперь не успокоить,
Не взять нахрапом, как всегда.
Она узнала – кто что стоит,
И где священная вода.

* * *

Может, в этой комнате, не знаю,
Наши тени встретились. Потом
Побегут огнями вдаль трамваи –
Одиноко в городе ночном.

И пойдёт плясать сухая вьюга,
Врежется в заборы и мосты.
В это время хочется у друга
Словом перекинуться простым.

Хочется простым кивком окинуть
Всё пространство комнаты, затем
Молча посмотреть – висят картины.
Всё так просто, кажется. Меж тем,

Раздвигая стены и пространства,
Нас уносит призрачность, судьба.
И ложится зимнее убранство
На дороги, реки и стога.

И порою кажется, не скрою,
Многое увидится. Поймёшь.
Жизнь проходит, может, тёткой злою.
Оттого и грустно. Ну и что ж.

МАЛЬЧИК*Еремею Айпину*

Человек, написавший столько книг,
Хороших и разных,
Станет птицей в какой-то миг
На виду у зевак праздных.

Там, где олени пасутся, у рек
Больших и малых,
Облака замедляют свой бег
У лун молодых и старых.

Легенды и мифы твой народ,
Хранитель и сказчик,
Собрал в свой волшебный свод.
А ты в них – хантыйский мальчик,

Вон уже дудочку наострил,
Присел на опушке.
Здесь каждый клочок тебе мил,
А белки – подружки.

Тундра, величавая тундра твоя
У большой реки.
Река жизни течёт за моря.
Твои шаги легки.

* * *

Только русские марши писались в миноре.
Только русские песни похожи на плач.
Буйны ветры затихнут на родине вскорее,
Буйны кони уносятся, кажется, вскачь.

Усмирись, удалая головушка,
Видишь, стихла золотая печаль.
И берёза нам машет, как вдовушка,
Только русскую песню немножечко жаль.

Дайте мне балалайку поярче, погромче,
Чтоб звучал в ней раздольный мотив.
Будут петь наши дали всё звонче и звонче,
И тоску непонятную в нас укротив.

САМОРОДКИ ГЕННАДИЯ СКАРЛЫГИНА

Чем коренной сибиряк отличается от прочих граждан России? У него в крови стремление к душевному уюту среди дикой природы, лучше – северной. В нём вечная подспудная дума о воле, а у сибирского горожанина – тоска по воле, стремление обрести её при всяком удобном случае. Ему часто снится туманная река детства, и он слышит во сне шум родной тайги. На этих звуках замешен всякий сибиряк. Они живут в нём до конца дней.

Поэт Геннадий Скарлыгин тоже родился и вырос в Сибири, в Кемеровской области. Учился в Томске, работал в Забайкалье, Туве и на Колыме. Сибиряк законный, закоренелый. У него и названия книг – с настоящим сибирским звучанием: «Всё унесёт река», «У заветного камня»...

Геннадий Скарлыгин из геологов, поэтому бродяжий дух в нём неистребим. Но в стихах он чурается откровенной напускной романтики. Он всегда серьёзен. У него нет тайги, почти нет рюкзаков и костров, но у него есть Родина – большая и малая.

*Нас возвращают к жизни,
Казалось бы, пустяки:
Услышишь кукушку трижды,
Вспенится стрежь реки,
Ветер скользнёт по лужам,
Зазолотится рожь,
Дымок над селом закружит,
Заплачет на крыше дождь.*

Перед взором читателя встаёт целебная для души и тела картина: малая родина, останавливающая любую боль. И это так.

Я похоронил дочь. Боль была невыносимая, я не знал, куда от неё деться. Но купил билет в родной Кузбасс, взял внука, которого оставила мне дочь, прилетел к старенькой маме и двум братьям, живущим там, на родине, в посёлке Темир-Тау, и боль стала притупляться. Я начал забывать-ся среди родных мне людей и деревьев. Я начал оживать. И внук забылся, хотя по малолетству не очень-то и понимал, что произошло.

*В часы душевного покоя
Я представляю сосен шум.
И ливень серого покроя.
И холодок от тяжких дум.
И ветерок в осеннем поле,
И зов простуженных дорог,
Где есть для нас родной до боли,
Родной до боли уголок.*

Стихи Геннадия Скарлыгина созвучны моей душе, она откликается на них. А значит, поэта хочется читать. Причём читаю не выборочно, а подряд, не пропуская страниц. И передо мной открывается целостная картина. Род его из-под Кемерово, из Червяков, где и сейчас «под управой сельской» стоит их родовой дом – высокий, над рекой. Строили его два деда Скарлыгина – родной и двоюродный. Построили, жили, работали, но были объявлены кулаками. И началась у скарлыгинского рода новая судьба, как у многих тогда в России, точнее – в СССР: «тюрьма да сума». Вот и сам Геннадий, уже в третьем поколении после дедов, не обошёл этой судьбы:

*Брат утонул в озере,
Стоял июльский зной.*

*Мать нас в посёлке бросила.
Отец ушёл в запой...*

Или:

*...Предала нас мать, отец ушёл из дома,
А бабушке одной не выкормить детей.*

Но бабушка выкормила, выходила «сорванцов». Бабушкам и дедушкам всегда больше всех надо, они ответственные за род, поэтому вытягивают внуков, чего бы им это ни стоило. И хорошо, если внуки остаются благодарными, выходят в люди, меняют свою судьбу, снимают с себя проклятье рода. Похоже, получилось это и у Геннадия Скарлыгина, если следовать биографическим пунктирам его лирического героя. Избежав судьбы с обязательными тюрьмой да сумой, его герой, нахлебавшийся нужды, не закаменел сердцем и не осудил страну, не нарёк её мачехой. Уж он-то точно никогда не скажет: «В этой стране...», а только: «В нашей (моей) стране».

Дом моих предков, тоже высокий, стоявший над рекой Кондомой, которая впадает в родную реку Скарлыгина – Томь, тоже после прихода советской власти находился под управой сельской. Разница лишь в том, что моя родовая деревня Широкий Луг, стоявшая на границе Горной Шории и Горного Алтая, не сохранилась, заросла тайгой. Как не сохранилась братская могила белогварцейцев в Новокузнецке, павших в боях с красными за город Кузнецк в 1919 году. В этой могиле был похоронен мой двоюродный дед. Родной дед был тогда подростком, судьба его сберегла, он прошёл войну с 1941 по 1945 год, носил орден и медали, но о брате-беляке никогда не рассказывал, говоря, что «умер», просто рано умер.

Это тоже судьба – недоговаривать, скрывать, таиться, жить по деревням да золотым приискам. Поэтому я понимаю Геннадия Скарлыгина и его героя. И радуюсь, что и он

не осудил, поднялся над судьбой, взлетел на писательские высоты, вышел к большому читателю, и его читают.

*Легче лёгкого нам осудить страну,
Осудить себя сложнее – так от века.*

Или:

*...А сколько же веков хрипел на дыбе,
И словом «Родина» врагов своих встречал.*

Навсегда самой родной, олицетворяющей собой Родину, осталась для него бабушка. «Давно уж без тебя живём да поживаем, роднее есть родня, да я такой не знаю».

Сегодня, когда по стране вновь – пьянь да наркота, намешенные на отчаянии, нищете, когда с лёгкостью бросают детей, как нужны такие бабушки! Им гимны надо петь. Геннадий Скарлыгин своей спел. И Женщине своей спел, потому что бабушка ведь тоже женщина. А вот отца с матерью (биологических родителей) простил ли? Похоже, не смог. «Но мне уже поздно меняться, с собой этот грех унесу».

Боже, сколько выпало и ещё в России выпадет на долю сирот. И тех, кто при родителях, да получается, что без них – без их заботы и ласки. Ещё неизвестно, кому хуже. Но это совсем не значит, что России нужна ювенальная юстиция, которую зовут, торопят некоторые ретивые борцы за «счастливое детство». Не ювенальщики нам нужны, отбирающие детей, рвущие их из рук, не казённые дома для детей, а бабушки типа скарлыгинской, да и, чего там скромничать, дедушки типа меня самого, воспитывающего внука, оставшегося без мамы, а папа (опять же – только биологический) – где-то живёт сам по себе.

Читаю, читаю книги Геннадия Скарлыгина «Всё унесёт река», «У заветного камня», и сердцем проникаюсь, чувствую каждую строчку. Так задеть может не всякий поэт.

И соглашаюсь, что всё унесёт река, все невзгоды, все

отчаяния, но самое главное в нас останется: Любовь, Дом, Родина, Вера. Это те самородки золота, которые тяжелее воды, они оседают на дне, остаются на месте.

Геннадий Скарлыгин – распахнутый поэт, открытый. В этом сила его творчества. Ведь хочется примерять стихи и судьбу на себя, что я и делаю. Примеряю вину за смерть близкого человека. Примеряю вину за бесславный конец любви. Примеряю вину за оставленные родные края. Примеряю вину за непонимание меня женщиной. И всё сходится, всё в пору. Это я во всём виноват...

*На этом ли пути
Нас обожали?
И вечное «Прости»
В моих скрижалях.*

Поэт даже перед спецпереселенцами оправдывается в своей поэме «Парабельский мужичок». Оправдывается, словно и он причастен к их невзгодам и трагедиям. Но, оправдываясь, видит силу русского мужичка, который, высадившись на пустынном, диком, необжитом берегу, сумеет обжиться. Смертей среди переселенцев много, но «...как погосту ни расти – избы переселят, может, можно здесь найти, средь болот, Россию». И ведь нашли они свою Россию. Дали потомство. Так когда-то обживалась, обстраивалась вся Сибирь. Русские люди проникали в самые гущи тайги, кто искал воли, покоя, кто дичи и рыбы. Места хватило всем, а позже и спецпереселенцам ещё нашлось. И выработывался сибирский характер. Который потом помог отстоять от фашистских полчищ Москву. Помог выбить вражескую пробку под Сталинградом. Помог взять Берлин.

И ковался этот характер не без помощи таких бабушек, как скарлыгинская, у которой, впрочем, есть конкретное имя – Татьяна Николаевна Червова, которой он посвятил небольшую поэму, завершающую книгу.

Любовь, Дом (Кров), Родина, Вера, и, я бы добавил, Па-

мать – вот главные самородки поэзии Геннадия Скарлыгина. Наверное, они есть и у многих других поэтов, но проба этих – выше. И я счастлив, что однажды он подарил мне свою книгу. Получилось, что нашёл понимающего соперника. И почитателя.

*Александр Смышляев,
председатель Камчатского
регионального отделения
Союза писателей России*

Камчатка. Январь 2015

Владимир ЯРАНЦЕВ

«Небо со мною всегда...» 5

ВЕТЕР СКИТАНИЙ

Память земли и неба 14

Лосось помчится к берегам 15

Детство 16

Решетчатое небо сентября 17

Калёное, низкое утро 18

Ворюхино 19

Едоки картофеля 20

Дом 21

Последний пароход 22

Когда сотрясают грозы. 23

Разговор с бабушкой 24

Калина. 25

Дед 27

Закрывается клапан сердечный 28

«Я возвращаю ваш портрет...» 29

Этот миг, раскатистый и звонкий 30

Могила Канта 31

Родимчик 32

Октябрь, как дикое пламя. 33

Мы, конечно, меняемся 34

Юный астроном 35

Наши жизни сильно измельчали 36

Мемориал. 37

Утром женщина останется загадкой 38

Зацвела в июне трава 39

Шестые сутки льют дожди 40

Изумрудная зелень полей. 41

«Форс мороза не боится» 42

Люблю я слушать мелкий дождь	43
На огонь можно смотреть до бесконечности	44
Тонкий запах левкоев.	45
Нет ни времени, ни пространства	46
Осенние мухи летают.	47
Я замерзал под Магаданом	48
Благословляю образ твой.	49
Давно я не был в Вертикосе	50
Осень.	51
Таловка	52
Инна	53
Я оживал под песни Виноградова	54
Тоска	55
Плыл туман сквозь стога	56
Я вижу цветы листопада.	57
Шутка	58
Такого не припомню октября	59
На юге Чехии, в Моравии	60
Уже качались провода	61
Побереги осенние раздумья	62
Сорочьи гнёзда. Мокрый снег	63
В часы душевного покоя.	64

СУДНЫЙ КРЕСТ

Сон	66
Песня.	67
Долог путь мой по той стороне	68
Разбежаться бы да прижаться	69
Бежали весёлые дроги	70
А дворник «снеги» нарезал.	71
Играл духовой оркестр.	72
Наверно, грачи прилетели	73
Люблю я первые проталины.	74

Как пронзительно грустно	75
Вода возвращает память	76
Скрипят журавли колодезные.	77
Здесь, у себя в Алаево.	78
Не заигрывай с жизнью, не стенай и не ной . . .	79
Ляжет камень на сердце	80
Дядя Ваня.	81
Я ворую солому с колхозных полей	82
Не нашёл слова я золотые.	83
Вот дурочка! – злословили в деревне	84
Наше ночное небо	85
Мир дому твоему.	86
Павел, Леонтий, Макар.	87
Зима к нам нынче припозднилась	88
Затосковала мать по сыну.	89
Может быть, морозцем синеоким	90
Копии великих мастеров	91
Женщина	92
Человек	93
Альпийская роза – жарки	94
Слёзы текут по стеклу	95
Осыпается с деревьев иней.	96
Вымученная. Из земли	97
Звук.	98
О, светлая осенняя пора	99
Был особенный холод	100
Смерть уравнивает всех	101
Просто начинает нить душа	102

ВСЁ УНЕСЁТ РЕКА

Бабушкин взгляд и руки.	104
Слушайте своё сердце	105
Кладбищенские цветы.	106

Всё полустанки, полустанки	107
«Ты меня не забудь».	108
Я возвращаюсь к твоим стихам	109
Деревенские шумные праздники.	110
Сало протёртое с чесноком	111
Люблю я русские дороги	112
Светлая моя родина	113
Водка. Холодно. Подворотня	114
Чьи-то чуткие уши.	115
Я не люблю метания огней	116
Утром 8 сентября над Куликовым полем . . .	117
Я русский человек	118
Люблю я тишь библиотек.	119
Я гимн сегодня напишу лозе	120
По ступенькам забытых племён	121
Снега-снега, поля-поля.	122
Это всегда утешение	123
Мы шагали по небу	124
Парабельский мужичок	125
Просёлки	131
Утро. Детство	136
Это всё хорошо. Это бархатный снег.	137
Я засыпаю под стук дождя	138
Всё глуше и скупее.	139
Как мало для радости надо	140
Одного достаточно прикосновенья	141
Журавли.	142
Дай мне простой покой	143
Наше русское небо.	144
Обернулись прошедшие дни листопадом . . .	145
Не надо ничего. Мы всё уже сказали.	146
Мы так близки по ощущениям жизни.	147
Город	148

Демон	149
Где вы, пересмешники!.	150
Плавно, плавно плывут за оградой	151
Вот оно, заснеженное время	152
Родные места	153
А белая метель	154
Захотелось к родным, в захолустье	155
Как птица, ко мне залетая.	156
Белизна больничного покоя	157
Как дышит весенняя роща	158
Поклон наш открытому сердцу	159
Памяти Алексея Прасолова.	160
Вот промелькнёт прохожий	161
Монастыри Святой Руси	162
Седая женщина, седая	163
Сколько мудрости в песне народной	164
Родина моя, непобедимая	165
Встречая прошлое, встречая	166
Силён и гибок голос ночи	167
Уже – осенняя печаль.	168
Кругом ласкающим прибоем.	169
Эта бесконечная дорога	170
Разве пришла нужда	171
Этих дней золотой листопад.	172
Лист упадёт. А потом лежит	173
Осенняя песня.	174
Растропович	175
Опять апрель – стопой неслышной	176

УТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

У заветной ветлы.	178
Встреча	179
Такая грустная страна	180

Эта птичка-невеличка	181
Давала поначалу мне бабушка наказ	182
Опустелое лицо	183
Что мне машут просторы лесные.	184
Это в нашем северном просторе	185
И видел – поникие руки	186
Где же женщина та, что хранила очаг	187
Это на том берегу день-деньской.	188
Мой друг – окраины избранник.	189
Наша жизнь по капелькам уходит	190
Мои предки	191
Эх, летели-полетели соколы	192
Что сказал человек?.	193
Бежит, бежит дорожка	194
Эх, по рыхлой земельке	195
Иногда одиночество – радость.	196
Давай, поехали, дружок	197
В этой нашей горестной юдоли	198
Выхожу во двор и наблюдаю.	199
Этот хрустальный день	200
Мне кажется, в этой идиллии	201
Прости. Потом когда-нибудь	202
Небо, где живут облака.	203
Дни стоят яркие и морозные.	204
Унылые, печальные поля	205
Разлетаются васильки	206
От этих заснеженных мест	207
В этой книге тебя ещё нет	208
Это тех стариков, сумасбродов и пьяниц.	209
Магадан	210
Когда разливается грусть	211
Время быстротечно	212
Не записал. И забыл.	213

Знаешь, этот мир опалённый	214
Лиловые брызги сирени.	215
Весна	216
Вот и мы начинаем думать	217
Ветер несёт по степи	218
Лошадь в сосновом логоу.	219
Скажите мне, синие воды	220
Ты знаешь, бывает такое	221
И, плотно криками набита	222
Только сердцу и только слуху	223
Грустно до боли, что всё проходит	224
Синее немеющее небо	225
Ты сказал мне, что жалеешь женщин	226
Всё так же накрапывал дождь.	227
Осень.	228
Отрешённый человек.	229
Что же там за журчанье?.	230
Ещё нет их – метелей	231
На душе от пенья петуха.	232
Кабанка, Полянка	233
В дороге	234
Золотая пора листопада	235
И чего тут такого.	236
Где ещё придут, в какие веки.	237
Что же ты говоришь, говоришь	238
Красивый идёт человек	239
Полозья скрипят у реки	240
Детство	241
Уже как будто к ночи	242
Я засыпаю под стук дождя	243
Оживает моя деревня.	244
Жили верой, надеждой, любовью	245
Уже слетают колокольцы	246

Над долиной погасли огни	247
Там, за белёсой стеной	248
Присядем. Слова уже сказаны	249
Воспоминание.	250
Времени не помню. Нет, не помню	251
Ситцевые – платье и платочек.	252

У ЗАВЕТНОГО КАМНЯ

Этот дом дышит хлебом родным	254
Блок перед смертью слышать перестал	255
Когда струится дождь	256
Не храни в себе свои обиды.	257
И шаль не по моде одета.	258
Дождь моросит по всей округе	259
Ужели этот край – ни зги, ни зги не видно	260
Дайте неба мне – синего и дорогого	261
Всё проходит, ребята	262
Что же вам сказать.	263
Наверно, мы становимся другими	264
Псковитянка улыбалась мне с экрана.	265
Не понял я твоей печали.	266
Зима в Тобольске.	267
Поклонюсь Тобольскому кремлю.	269
До зимы ещё далеко.	270
Окраина	271
Что за чертою будущих дней.	272
В этом городе древнем.	273
Всё проверено много раз	274
Великое горе России	275
В этом доме тягучая старость	276
Взгляд виноватый, почти собачий	277
Белыми одеждами	278
Вот так, в преддверии зимы	279

Когда тяжело, беспокойно	280
Может, в созвездии дальнем	281
Синие, синие ночи	282
В лесу упаду на колени.	283
Тишина сменяет тишину	284
СВЕТОМ РОДНЫМ	
Дождь, очищая пространство	286
Песнь рыбака	287
Охота к перемене мест	288
Жизни всегда мало	289
Не спугните музыку.	290
Как-то всё больше тянет к земле	291
Всё проходит. Вот и лето – тоже.	292
Придёт беда, тогда осознаём.	293
Эти белые строки	294
Вот она, небывалая	295
От казацкой острой шашки.	296
Отнесись к беде.	297
Всё что осталось – утраты.	298
Как неумна эта жизнь.	299
Встречает нас гортанной речью	300
Когда же это было, боже	301
Я себя там не узнаю	302
Прав, конечно, Валентин Распутин	303
Лечить нас надо тишиной.	304
Один человек сказал: «Дураки!»	305
На Васюгане	306
Поэт не знал конца и срока	307
Озеро нахмурилось. Родное.	308
Поедем в пятницу в Володино.	309
На Белом озере оркестр	310
О чём я говорил?	311

Белый бархат и тополя	312
В эти дни мы подолгу молчали	313
Кажется, я растворяюсь в тебе	314
В какие ещё долины.	315
Какие-то странные тени.	316
Весна. Ей не надо напутствий	317
Большие прозрачные листья	318
Человек одинокий в лодке	319
Вороны сбиваются в стаи	320
Лес наступает. Но могилы не тронуты	321
Роднушка	322
Как тихо под небом осенним.	323
Земля.	324
Может, в этой комнате, не знаю.	325
Мальчик.	326
Только русские марши писались в миноре	327
Александр СМЫШЛЯЕВ	
Самородки Геннадия Скарлыгина	328

Литературно-художественное издание

Геннадий Кузьмич Скарлыгин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вёрстка

О. В. Карташов

Корректор

И. А. Киселёва

Подписано в печать 15.01.2020 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Cambria». Тираж 500 экз.
Печать офсетная.

Отпечатано в ООО «ТЕХНОПРИНТ».
650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а.
Тел. (3842) 35-21-19